

Денис Владимирович Морозов

Грима и Гэндалф

Как друзья стали врагами

2017

УДК 82-3
ББК 84-445
М80

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Морозов Денис Владимирович
М80 Грима и Гэндальф : Как друзья стали врагами / Денис Владимирович Морозов. — [б. м.] : [б. и.], 2017. — 96 с. — [б. н.]

Фродо уже начал путь к Роковой горе, чтобы уничтожить Кольцо всевластия. По берегам Андуйна рыщут назгулы, разыскивая его. В эти тревожные дни королевский советник Грима узнает, что Гэндальф пленен Саруманом в башне Ортханк. Грима готов сражаться с урукхаями, уходить от преследования назгулов и диких варгов, и даже лезть в глубины Мории с ее затаенным ужасом.

Как Грима поссорился с Гэндальфом? Что заставило его примкнуть к Саруману? Ответы вы узнаете, прочитав эту повесть о Средиземье.

УДК 82-3
ББК 84-445

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ГРИМА И ГЭНДАЛЬФ

Лето в Средиземье выдалось жарким и долгим. Бескрайние степи Рохана были залиты солнцем, которое лило свои золотые лучи на созревшие травы перед тем, как удалиться на север, за темный край Арды.

Огромные табуны роханских коневодов возвращались с кочевий. Рохирримы день и ночь гнали их к Эдорасу, столице этого дивного края, и даже у Медусельда, в котором обитал конунг Теоден со своими наследниками, слышались ржание и топот копыт.

Последний летний месяц уже подходил к концу, а это значило, что наступило время для праздника конских скачек. Он проводился у подножия холма, на котором стоял королевский дворец.

Посмотреть на состязания пришел сам Теоден, его сын Теодред, племянник Эомер, который, несмотря на юные годы, уже занимал должность лорда Истфолдской марки, и племянница Эовин, признанная красавица и чародейка. И, конечно, тут был первый королевский советник Грима, известный знаток лошадей.

Это был ухоженный и опрятный муж с живыми карими глазами и холеной, аккуратно подстриженной черной бородкой. Цвет его волос — темных, тронутых сединой — резко отличался от пышных и светлых грив потомков Эорла, шевелюры которых походила на сноп скошенной соломы. Он был немолодым, но высоким и статным, несмотря на то, что начинал полнеть. Одет он был в роскошный камзол

из черного бархата, поверх которого свисала с шеи массивная золотая цепь.

Кони мчались по кругу, вытоптанному в высокой траве. Как всегда, впереди держались скакуны редкой породы «меарх», принадлежавшие королю и принцам. Теоден не скрывал своей страсти и орал, как ребенок. Эомер подзадоривал своего наездника, и даже красotka Эовин не сдерживала эмоций и хлопала в изящные ладошки.

Грима невольно отвлекся от скачек и загляделся на нее. Ее золотистые волосы падали на плечи широкой волной и колыхались при каждом движении. Синие глаза сверкали, когда принадлежавшая ей белая лошадка догоняла лидеров. Фигурка ее была такой стройной, что королевский советник замечтался. На самом последнем круге его гнедой жеребец сделал рывок, обошел основную группу и прорвался к финишу, опередив остальных на целый круп. Эовин так огорчилась, что Грима пожалел о своей победе.

— Да что же ты будешь делать! — в сердцах досадовал Теоден. — Грима, почему твои лошади все время обгоняют моих? Ты что, кормишь их каким-то особым овсом?

Конунг был еще старше советника. Его загорелое лицо было прорезано глубокими морщинами, но в такие моменты они разглаживались, и он казался моложе.

— Вовсе нет! — смеясь, ответил своему сюзерену советник. — Просто мой наездник такой легкий, что лошадь его не замечает и мчится свободно, как будто на воле.

Толпа слуг и баронов втянулась в ворота деревянной крепости, окружавшей высокий холм. На вершине холма виднелся дворец, позолоченная крыша которого сверкала под солнечными лучами. К ней поднималась крутая тропа, тянувшаяся между дворами баронов и служилых людей.

Они прошли мимо фонтана, в котором огромная конская голова извергала из себя струю воды, поднялись по широким ступеням на каменное возвышение, миновали резные столбы, украшенные позолоченными изображениями сказочных

птиц и животных. Начальник дворцовой охраны Хама сидел со своими людьми на мраморных скамьях у входа. Он поднялся и почтительно приветствовал государя, но тот сгоряча обрушил на его голову поток обвинений в том, что его «меарас» в конюшнях остались без должного присмотра, за ними недостаточно ухаживают и плохо кормят, и что конюхи разленились и даром едят свой хлеб.

Хама хотел было возразить, что королевские «меарас» питаются лучше, чем люди, и те же конюхи им могут только завидовать. Но увидев, в каком возбуждении пребывает возлюбленный народом властитель, он умолк на полуслове и предпочел под горячую руку не лезть.

Грима проводил государя до тронного зала и вернулся к себе на подворье, которое стояло неподалеку, на одной из террас, уступами спускающихся с холма. Он вошел в просторные деревянные хоромы, в которых в этот час не было никого, кроме его престарелой служанки Таиры. Она тут же отправилась на поварню и принялась колдовать над дымящимися кастрюлями, а он прошел в горницу и скинул с плеч черный бархатный плащ.

В доме его было много удобной мебели, искусно вырезанной из дерева, но горница все равно казалась пустой. Он задержался перед большим портретом, висевшим напротив окна так, что на него всегда падал свет. На этом портрете был изображен он сам — молодой, стройный, лихо смотрящий в даль. А рядом с ним — красавица-жена, и вокруг — трое детей разного возраста. Их всех унесла эпидемия черной немочи, но это случилось уже давно, много лет назад. Грима вздохнул, и отправился к умывальнику — он любил чистоту.

Как следует вздремнуть после обеда ему не удалось: явился Хама и срочно вызвал его к государю. Начальник охраны был растревожен, но не хотел говорить, что случилось. Они быстро поднялись по холму и прошли в тронный

зал. Теоден, как обычно, сидел на престоле в дальнем конце палаты. За его спинкой стояла бледная Эовин: она с испугом смотрела на мужчин, которые быстрыми шагами меряли пространство вокруг очага, выложенного посреди зала. Тут же стоял ее брат Эомер, рядом с которым шептались о чем-то маршалы Эльфхельм и Эркенбранд.

Хама прошел мимо красочных гобеленов с изображением Юного Эорла и подвел Гриму к конунгу. Тот хмуρο взглянул на своего советника и бросил на стол перед ним ветхий кисет из серой холстины.

— Полюбуйся, что принес ворон из Изенгарда! — недовольно проговорил он.

Грима взял в руки холщовый мешочек. Он был старым, потертым. Сквозь аккуратно проделанные дырочки была продета тесемка. На боку золотистыми эльфийскими рунами была вышита надпись: «Олорин».

— Гэндальф! Где он? — воскликнул Грима, сжимаясь от плохого предчувствия.

Он поднес кисет к носу: тот пах трубочным зельем из Шира под названием «Старый Тоби», которое выращивали только в долине Лонгботтом. Гэндальф Серый, мудрейший и пронизательнейший из волхвов Средиземья, научился курить его, когда гостил у сказочного народа хоббитов, в само существование которых многие даже не верили. Сомнений не было: кисет принадлежал именно ему, но он никогда не расставался ни с ним, ни с курительной трубкой, которой дымил при каждом удобном случае.

— Что случилось? — тревожно выдохнул Грима.

— Это мы у тебя хотели спросить, — саркастически произнес конунг. — Ты же у нас ученик и последователь Великого Мудреца, который бродяжит из края в край, не давая покоя их обитателям. Вот и скажи нам, что бы это могло означать.

— Учитель подает сигнал, — уверенно произнес Грима. — Он в беде, и его нужно спасать.

— Но Изенгардом правит его давний друг Саруман, — возразил Теоден. — Эти два колдуна давно снюхались, один другого не лучше. Что между ними могло произойти?

— Это выяснится только после того, как мы вызволим его из беды. Государь, дай мне отборный эоред рохирримов, я возьму крепость изгоном и наведу в ней порядок.

— Что ты мелешь? — рассердился Теоден. — Ты хоть представляешь себе, с чем столкнешься? Крепость Изенгарда состоит из высоченных стен, вырубленных из скал. Вход в город только один: через железные ворота, которые не сможет пробить ни один таран. В длинном и темном туннеле под аркой конному эореду не развернуться, а в караулах у выхода его уже поджидает надежная охрана из урукхаев, а они, как тебе известно, лучшие бойцы в мире. Но это все ерунда. В центре города высится башня Ортханк. Ее высота — пятьсот футов. Она построена в незапамятные времена нуменорцами, и их колдовство хранит ее от разрушения. В ней обитает Саруман — сильнейший из кудесников, какого только видел свет. Он может обрушить на наши головы гром и молнию, и это самое безобидное, что он может сделать. И на него ты собрался нападать со своим эоредом? Да ты из ума выжил на старости лет!

— Государь, не нам судить о делах волхвов, — настойчиво возразил Грима. — Но вспомни, каким добрым другом был для нас Гэндальф...

— Это тебе он был добрым другом! — рассерженно перебил его конунг. — Он появляется в Медусельде раз в год, приносит очередную дурную весть, подбивает всех на войну, а после исчезает неизвестно куда. Он уже столько раз представлял нас, что больше я на его уловки не куплюсь. А твоя дружба с ним всегда казалась мне подозрительной.

— Он один мог утешить меня, когда черная немочь унесла мою семью, — возразил Грима. — Он рассказывал нам о том, что творится в других краях, до которых никогда не добирался ни конный, ни пеший. Он заранее предупре-

ждал нас об опасностях, так что у нас было время подготовиться к ним.

— А что толку? — вышел из себя Теоден. — Когда противник сильнее тебя, то готовься к нему, не готовься — результат будет один. Я не позволю втянуть свой народ в неприятности. А если ты будешь настаивать — то вмиг попадешь в опалу. Не смей больше говорить о Серой Хламиде, и даже имени его вслух при мне не произноси!

Конунг хлопнул ладонями по подлокотникам престола, выполненным в виде лошадиных голов, и резко встал, давая понять, что разговор окончен. Хама, за долгие годы службы хорошо изучивший привычки владыки, потянул Гриму к выходу. Бледная Эовин спряталась за спинкой престола, боясь произнести хоть слово, а ее брат, Эомер, бросил на советника долгий задумчивый взгляд. У порога Грима вырвался из цепких рук Хамы, метнулся назад, схватил со стола кисет, и, крепко сжимая его в ладонях, выбежал из палаты.

Едва взглянув на лицо хозяина, Таира охнула и забилась в дальнюю каморку. Слуги попрятались и делали все возможное, чтобы не попадаться на глаза. Грима сам оседлал своего мearха и рванул в степь, подальше от этого Медусельда с его интригами, конунгами, маршалами и баронами. Он отъехал на целую лигу, прежде чем успокоился и перешел на неторопливую рысь. Кисет с золотым шитьем не давал ему покоя: он вытащил его из-за пазухи и понюхал. Запах табака был еще свежим, а это значило, что владелец пользовался им совсем недавно. Еще оставалась надежда, что Гэндальф жив и его можно вызволить. «Что могло с ним случиться? — бежали сумбурные мысли. — Как он дал себя заманить в ловушку? И что я могу для него сделать? Ведь он прислал этот знак не кому попало: не эльфам, с которыми знаком слишком близко, не гномам, которые столь многим ему обязаны, и даже не этому пьянице Арагорну, который

таскается за ним, как хвост. Нет, он прислал его в Эдорас, зная, что тот попадетсЯ мне на глаза. Это значит, что он рассчитывает на меня одного. Я не могу его подвести!»

Облачко пыли за его спиной показывало, что за ним скачет целая группа всадников. Не прошло и получаса, как его нагнала ватага конных баронов и слуг во главе с Эомером. Эовин, его сестра, одетая как амазонка, тоже лихо сидела верхом на косматой белой кобыле. Она держалась в седле еще увереннее, чем многие из опытных воинов — таких, как капитан Гримбольд, который старался от нее не отстать.

— Грима, не ездИ один! — крикнул ему Эомер. — В степи появились черные призраки. Это рыцари-тени, которых не может победить ни один роханский воин. Наши лошади приходят в дикий ужас и бросаются прочь, едва почуяв их запах.

— Что им нужно? — спросил советник.

— Мы не знаем. Они рыщут по селениям и дорогам, как будто ищут кого-то. Но кого именно, неизвестно. Они до смерти перепугали селян на берегах Андуина, пересекли Истфолд, а теперь направляются в Вестфолд, который я обороняю. Видимо, их послал Враг, и хорошо еще, что одних и без войска, иначе мы бы с ними не сладили. Я еду в Альдбург, присоединяйся и держись рядом!

Молодой маршал поравнял своего коня с меархом Грими и поскакал с ним бок о бок.

— Ты веришь в эти сказки про Врага? — спросил его королевский советник.

— Какие же это сказки? — возразил Эомер. — Гондор уже вовсю воюет. На его рубежи обрушились полчища орков, и к ним на подмогу идут народы востока. Скоро очередь дойдет и до нас. Нам нужно ударить первыми и взять под контроль переправу через Изен, иначе войска противника будут бродить по нашей территории, как у себя дома.

— Да ладно тебе! — расхохотался советник. — Я знаю, что у тебя на уме. Ты хочешь взымать плату с купцов, везущих

товары из гаваней, а это немалые барыши. Им мимо этой переправы не проскочить — что тем, которые плывут вверх по Изену, что тем, которые едут сушей, по Южному тракту.

— Может, и так, — не стал спорить с ним Эомер. — Мы действительно теряем хорошую прибыль. Но переправе в любом случае нужна охрана. А Черные всадники — всего лишь разведчики. За ними вслед явятся целые армии.

Уже к вечеру они достигли Белых гор, в отрогах которых прятался Альдбург — столица удельного княжества, в котором властвовал Эомер. Эовин лихо выпрыгнула из седла и тотчас пошла распоряжаться — чувствовалось, что она тут хозяйка, и местные слуги хорошо ее знают. Гримбольд увязался за ней, сорвал огромный синий цветок и, галантно привстав на колено, преподнес, прочитав при этом пару стишков из какой-то походной песенки. Эовин расхохоталась, как лошадь, позволила поцеловать свою ручку и вплела цветок в пышные золотистые волосы, которые она распустила, почувствовав свободу от строгих дворцовых условностей. Грима украдкой полюбовался на нее и тяжело вздохнул.

Эомер провел его в свой дворец, который хоть и был меньше помпезного Медусельда, но зато выглядел более удобным и современным. Они сели в глубокие кресла, застеленные бархатными подушечками и покрывалами. Слуги поднесли им хорошего южного вина.

— Что ты теперь собираешься делать? — спросил Эомер.

— Впервые в жизни не знаю! — признался советник. — Конунг перестал меня слушать, как будто вожжа ему попала под хвост. Чем старше он становится, тем больше портится его характер. Одно ясно: Гэндальфа нужно спасать.

— Вот именно! — горячо заговорил принц. — Его послание — крайне тревожный знак. Возможно, Белый колдун в Ортханке нас предал. Вдруг начнется война? Тогда он сможет накрыть переправу и выйти нам в тыл. Нельзя этого допустить.

— А что мы можем поделать?

— Ударить первыми! Ворваться в Изенгард, освободить Серую Хламиду и навести там порядок. С тех пор, как Саруман пригласил к себе армию урукхаев, он совсем страх потерял. А ведь он не самостоятельный князь, а всего лишь посадник, подчиняющийся Теодену. Но он об этом даже не вспоминает. Ортханк — лучшая крепость во всем Срединном мире, и мы должны вернуть его, особенно сейчас, когда тучи над нами сгустились.

— Но ведь ты видел, как ведет себя государь. Он даже слышать об этом не хочет.

— При чем тут государь? — Эомер поднялся с кресла и склонился над собеседником. — Изенская переправа — в моем уделе. Тут я распоряжаюсь, и у меня на это есть право. А ты — первый советник, ты — законная власть. Если мы объединимся, то наши действия будут вполне легитимными. Но действовать нужно быстро! Мы не знаем, сколько еще протянет старина Гэндальф!

Молодой принц был непрост: он уже знал, на какую точку давить. Королевский советник колебался недолго:

— Выступаем! Как можно скорее! Объявляй сбор эореда.

Эовин вошла, и, услышав последние слова, радостно захлопала в ладоши.

— Я с вами! — звонким голосом прокричала она. — Ох, и повеселимся!

Глядя на нее, Грима не мог удержать глуповатой улыбки.

БОЙ С УРУКХАЯМИ

Всего день ушел у Эомера на то, чтобы собрать свой эоред. Конные воины стекались к нему поодиночке и целыми отрядами. Они были вооружены тяжелыми длинными копьями и щитами, у многих были доспехи, у кого костяные, а у кого и железные. Еще день они без усталости скакали по степи. К вечеру они достигли брода через широкую реку Изен, переправились и расположились на привал. Молодой Эомер рвался вперед и не хотел останавливаться.

— До Нан Курунир всего три часа на рысях! Подойдем среди ночи и застанем врасплох! — горячо требовал он.

Опытному Гриму пришлось его уговаривать:

— Эйми, ты не представляешь, с кем столкнешься. Урукхай в темноте видят, как кошки. Сражаться с ними ночью — убийственно!

Молодой маршал скрипнул зубами, но с рассветом был уже на ногах. Он первым вскочил в седло и принялся поднимать отстающих. Эовин лихо носилась на белой кобыле и звонко голосила:

— Вперед, рохирримы! Изенгард так богат, что вам и не снилось! Урукхайские доспехи стоят целого состояния! Кто стащит их с трупа — обеспечит семью на весь год!

Солнце еще не успело подняться над отрогами Туманных гор, а они были уже у долины Нан Курунир, за которой лежал Изенгард. Долина со всех сторон была окружена высокими холмами, и только ее южный край открывался в сторону сте-

пи. Дорога, утоптанная сотнями колес и тысячами копыт, втягивалась в узкий проход между скалами. Эомер нетерпеливо хлестнул плеткой коня и перешел на галоп, обгоняя передовую стражу, высланную вперед разведать путь. Однако, проскакав всего сотню футов, он резко осадил своего коня и остановился, как вкопанный. Рядом с ним встали разведчики, а за ними притормозил и весь эоред, несущийся нестройной лавиной. Грима подъехал к молодому маршалу и встал рядом с ним.

У них перед глазами, от одного края скалы до другого, вставала ровная стена из щитов и рогатин. Высокие, крепкие воины в железных панцирях угрюмо смотрели из-под низких шлемов. Смуглые лица, темные глаза, мускулистые руки, сжавшие древки, производили впечатление зловещей силы. Бархатные плащи офицеров с большой золотистой ладонью развевались на утреннем ветерке. Щиты, краями наложенные один на другой, подобно драконьей чешуе, были наискось разделены на черное и белое поля, поверх которых виднелось изображение той же самой раскрытой ладони — только у рядовых она была не золотой, а серебряной.

— Урукхаи! — с досадой выкрикнул Грима. — Как они могли успеть нам навстречу? Мы же так торопились!

Однако поворачивать было поздно. Эомер подозвал к себе капитанов и спросил:

— Можно ли их обойти?

Его приближенные оглядывали окрестные скалы и только покачивали головами.

— Значит, придется атаковать прямо в лоб! — лихо выкрикнул маршал.

— Лошади боятся острых рогатин, да и от самих этих тварей шарахаются, — возразил ему Гримбольд.

— И что прикажешь делать? Не отступить же! — рассердился на него Эомер.

— Отступить не удастся, — хмуро заметил Грима. — Они пойдут в нападение, как только мы повернемся к ним

ТЫЛОМ.

— Значит, деваться некуда! — привстал в стременах Эомер. — Трубите атаку! Наш путь — только вперед!

— Ур-р-ра! — звонко заверещала Эовин.

Ее золотистые волосы развевались, как знамя. Гримбольд потерял голову, и, не думая ни о чем, сорвался с места. Его отряд тут же бросился за командиром. Остальные не успели еще изготовиться и построиться в боевые порядки, но хриплый зов рога уже гнал их в атаку, и табун конных воинов медленно, как огромное многоголовое чудище, покатился вперед, приминая высокие травы.

Передовые всадники налетели на вражеские ряды. Кони, почуяв отталкивающий запах урукхаев, заупрямились и заупирались, но наездники продолжали хлестать их и колоть шпорами. Их скакуны вставали на дыбы прямо перед чужим строем, ощетинившимся острыми, как иглы, рогатинами. Урукхаи грамотно, как на учениях, делали резкий выпад, кололи рогатиной брюхо коня, и тут же возвращались обратно в строй, где их было не достать за сплошной чешуей щитов. Кони дико ржали и опрокидывались, подминая наездников. Равнина перед строем уруков начала превращаться в завал из окровавленных тел лошадей и людей.

— Эорлинги! Забудьте о страхе! — визжала Эовин.

Она дала шпор своей белой лошадке и перепрыгнула через завал. Ее легкий меч ударил по наконечникам чужих рогатин. Она помчалась вдоль вражеского строя, отбивая выпады вражеских воинов, но ее лошадь впала в панику и понесла. Через несколько шагов она бросилась наутек, унося свою наездницу в голую степь. Урукхаи дико загоготали и принялись отпускать сальные шуточки в адрес «оголтелой принцесски», как они ее называли.

Капитан Гримбольд покраснел, разъярился и начал во всю глотку орать на остатки своего отряда, однако вести в атаку ему было некого: большая часть его воинов уже была на земле, среди павших. Эомер закричал:

— Последний натиск, ребята! Эгей!

Повинуясь ему, остатки разрозненного войска помчались вперед, но урукхай сомкнули ряды и встали еще плотнее. Воины первой линии опустились на колено, воины второй линии положили рогатины им на плечи, в третья линия опустила тяжелые копья на плечи вторых. В лица атакующих уперлась настоящая стена острых игл, и сколько ни лезли на нее храбрецы — не находили ничего, кроме гибели.

— Мы несем слишком много потерь, — хмуро вымолвил Грима. — А враг где стоял, там и стоит.

Эомер скрипнул зубами.

— Мы проигрываем. Нужно играть отступление, — настаивал Грима.

Молодой маршал нехотя подозвал горниста и сделал рукой ему знак. Тот затрубил в громкий рог, давая сигнал эореду. Волна атакующих покатилаь назад. Урукхай пришли в оживление и принялись наступать, делая быстро три шага и останавливаясь на четвертый. Их передняя линия достигла равнины за пределами скал, но тут офицеры в бархатных плащах дали команду прекратить продвижение.

— Уходим! Быстрее! Отступаем в степь, она нас спасет! — во весь голос закричал Эомер.

Заколыхались зеленые стяги с белыми гривами. Знаменосцы, сжимая тяжелые древки, понеслись прочь от вздымающихся скал, между которыми кривлялись и гоготали торжествующие враги. Рядовые ополченцы бросились вслед за знаменосцами. Капитаны пытались остановить их и построить в колонны, но люди не слушались и не останавливались. Они мчались, не разбирая пути, подальше от противника, выигравшего битву.

Эомер припустил вслед за конной лавиной, стремительно утекающей прочь.

— Быстрее, быстрее! — отчаянно вопил он. — Они ударят нам по тылам!

— Остынь, командир! — схватил его коня под уздцы

Гримбольд. — Уруки не будут за нами гнаться. Они опасаются выйти за линию скал, чтобы не подставлять нам свои фланги. Их офицеры думают, будто мы еще способны сражаться.

ОПАЛА

Даже не взглянув в сторону Альдбурга, воины двинулись к столице, надеясь найти в ней защиту. Они уныло тряслись по степи медленным шагом, не разговаривая и не глядя друг другу в глаза. Обычно золоченая крыша Медусельда сверкала под солнцем так ярко, что ее можно было разглядеть за много миль. Но неласковым и хмурым выдалось это утро последнего дня августа лета три тысячи восемнадцатого Третьей Эпохи Средиземья.

Оставшиеся в живых рохирримы отвели своих коней в стойла и разбрелись по домам. Угрюмый начальник охраны Хама провел Эомера и Гриму в дальний конец королевской палаты, где уже поджидал Теоден. Его высокий престол пустовал, сам конунг спустился к огню, разложенному посреди зала, и помешивал в нем поленья кочергой. Бледная Эовин проскочила за спинку кресла и спряталась, не решаясь раскрыть рта.

Теоден резко повернулся к ним, его лицо было темным от гнева.

— Сколько рохирримов вы потеряли? — спросил он.

— Пару сотен... — начал говорить Эомер, заранее заготовивший оправдательную речь.

Но конунг жестко перебил его и закричал:

— Пару сотен? Двести эорлинггов остались лежать в степи без похорон по обычаю предков! Над ними не насыпаны курганы, не сыграно поминальной тризны, не посажены цветы скорби. Тени их никогда не попадут в Белые Чертоги

Создателя, а останки их тел склюют вороны и растащат хищные варги. А сколько еще эорлингов погибнет в ближайшие месяцы? Своим сумасбродным налетом вы развязали войну! И с кем? С величайшим волхвом Средиземья, Саруманом, хозяином Черной Башни, которую невозможно разрушить! Он как раз приютил урукхаев, изгнанных из Гундабада, и создал сильное войско, как будто заранее знал, что вы замышляете.

— Извини меня, дядя! — сбивчиво заговорил Эомер. — Но ведь Гэндальф...

— Какой еще Гэндальф? — заорал на него Теоден. — Кто такой этот Гэндальф? Он появляется тут раз в год, и все время с плохими вестями, а потом исчезает неизвестно куда. Один Эру ведает, что он задумал! Он нам не друг!

Грима даже не пытался возражать. Он давно знал конунга и понимал, что в такие моменты лучше ему не перечить. Но Эомер по молодости лет еще не успел усвоить простейшего правила: когда тебя ругают, раскаивайся и обещай все исправить. Он снова попытался оправдываться, чем вызвал еще большую вспышку гнева.

— Я отстраняю тебя от командования! — вопил ему Теоден. — Ты больше не лорд и не маршал! Езжай в свой Альдбург и не смей показывать оттуда носа! Ты в опале и ссылке! А с тобой, мой любезный советник, предстоит отдельный разговор.

Эти слова были обращены уже к Гриму, и тот мигом почувствовал, что они не к добру. Он опустился перед конунгом на колени и молитвенно сложил руки, как будто молил о пощаде. Но Теоден даже не смотрел в его сторону. Он обращался как будто к баронам, испуганно столпившимся поодаль, и к Хаме, который также не лез под горячую руку.

— Этот юный повеса не отважился бы на авантюру, если бы ты его не подбил! — жестко говорил он. — Ты развязал войну — тебе ее и вести. Маршалу Эркенбранду я отдаю приказ собирать ополченцев Вестфолда. Они будут готовы

через три недели, тогда мы и выступим в поход, и на этот раз дойдем до самого Изенгарда и возьмем его штурмом, чего бы это ни стоило. Деваться все равно уже некуда, и лучше нам самим устроить побоище на чужой территории, чем дожидаться, пока урукхай придут в Эдорас и сравняют его с землей. Но мы не можем выиграть войны с великим волхвом, способным обрушить на наши головы гром и грозу. Нам нужна помощь такого же сильного мага. И, к моему величайшему сожалению, у нас нет других знакомцев, кроме твоего разлюбезного Гэндальфа, этой Серой Хламиды, этого мерзкого и развратного старикашки.

Гриму больно укололи такие оскорбления в адрес своего наставника. Он открыл было рот, чтобы возразить, но взглянул в хмурое и решительное лицо повелителя, и тут же сжал зубы.

— Делай, что хочешь, — настойчиво сказал конунг, — но чтобы через три недели Гэндальф был здесь. Он должен присоединиться к нашему походу и помочь нам одолеть чары Сарумана. Без него мы не справимся. Это ж каким нужно быть умником, чтобы так нас подставить?

Хама подскочил к Гриму сзади и потянул его за плащ, давая таким образом понять, что сейчас самое время убраться подобру-поздорову. Не решаясь подняться, тот прямо на коленях принялся пятиться к выходу, и только за третьим рядом колонн он осмелился повернуться спиной и броситься прочь. Едва оказавшись на свежем воздухе, он принялся хватать ртом свежий утренний воздух, как рыба, вытасченная из воды.

— Еще никогда государь меня так не песочил! — пожаловался он Хаме. — Я думал, он казнит меня прямо в палате.

— Поверь мне: он был готов это сделать! — ответил начальник охраны. — Тебе нужно поторопиться, если ты хочешь, чтобы он тебя простил.

— Но что я могу сделать? — с отчаянием в голосе вскричал Грима. — Гэндальф заперт в Ортханке, к которому

не подступиться. Вокруг — стены высотой в сотню футов, и есть только один вход с глубоким и темным туннелем, надежно перекрытым караулками. Мимо сторожей даже мышь не проскочит.

— Да, с охраной у этих ребят дела обстоят хорошо, нам до них далеко, — мечтательно произнес Хама. — Но может, принцесса тебе что-то подскажет? У нас она одна занимается гаданиями и ворожкой, а тебе сейчас, кроме чуда, ничего не поможет.

Эовин слыла не только лихой наездницей, но и знатной чародейкой. Она приняла его в укромной избушке у подножия холма, спрятанной в тени крепостных стен. Под потолком горницы были развешаны сушеные травы, которые она сама собирала в полях. Над очагом стоял железный треножник, к которому был подвешен котел с дымящимся варевом.

За окнами стугулилась ночная тьма. Эовин зажгла свечи и поставила их по краям стола. Между ними она установила серебряную чару с водой и подбросила в бурлящее варево пахучих трав, от которых голова пошла кругом. Склонившись над водой, она принялась бормотать волховской заговор, обращая свои прошения к могущественнейшим валар и майяр. Грима невольно залюбовался на нее: она была изящной, голос ее звенел, как серебряный колокольчик.

— Смотри в воду! — велела она ему.

Он заглянул в чару, но на дне увидел лишь колышущиеся тени. Принцесса принялась лить туда воск от свечей.

— Что ты видишь? — требовательно спросила она.

— Вижу, как расплывается воск... — неуверенно проговорил советник.

Эовин недовольно поджала губы и принялась бросать в котел пучки пряных трав. Горница наполнилась таким пьянящим ароматом, что Грима потерял ощущение времени. Свечи отбрасывали на стенки избы колышущиеся тени, которые казались колдовскими призраками. Эти призраки

жили своей жизнью: они ползали по стенам, шептались и следили за своими хозяевами, не желая им подчиняться.

— Смотри еще! — велела принцесса.

Он снова принялся разглядывать воду, но на этот раз в очертаниях расплывшегося воска ему начали чудиться таинственные дворцы, крепости и города.

— Вижу высокие стены, — неуверенно проговорил он. — Вижу черную башню, а на вершине волхва в серых одеждах. Вижу птицу, витающую над его головой. И всадника на вороном коне, который скачет вверх по ступеням, чтобы освободить его.

— Кто этот всадник? — спросила Эовин.

— Лица не разглядеть. Плащ его — урукхайский, с раскрытой ладонью. Меч — огромный, как у богатыря. Конь — могучий, невиданной силы.

— Ну и кто бы это мог быть?

— Ума не приложу, — растерянно проговорил советник. — Спасать Гэндальфа некому, один я могу это сделать. Но у меня нет такого плаща и такого коня. Где мне их достать?

Эовин снова принялась лить в чару воск и бормотать: «Укажи нам путь, Манвэ, укажи!»

— Куда ведет тропа: на запад или на восток? — требовательно спросила она.

— Вроде, на запад. Или на север?

— Ну а кто от нас к северо-западу?

— Дунланд! — хлопнув себя по лбу, выкрикнул Грима. — Как же я сразу не догадался? Плащом можно разжиться у дунландцев. Они давно с Саруманом сдружились, посылают ему хлеб и овощи. У них столько товаров из Изенгарда, что хоть торговлю открывай. Переоденусь урукхаем и проберусь к Ортханку!

— Будь осторожен! — предупредила Эовин. — Я вижу над Дунландом черную тень. И призрачных всадников, рыщущих по степи. Они пересекают твой путь.

Но советник уже не слушал ее. Он сорвался с места и бросился к выходу.

— Постой! Возьми хоть оберег! — бросила она ему вслед.
Но он даже не слушал. Он уже принял решение.

ДУНЛАНД

Первый день осени выдался солнечным. Летняя жара уже спала, но до дождей и распутицы было еще далеко. На небо то и дело набегали тучки, но ветер быстро их разгонял, и золотые лучи снова начинали заливать высокие и сочные травы, которыми так богаты были роханские просторы.

Но Гриму не радовала эта погода, такая благоприятная для дальних путешествий. Он то и дело тревожно оглядывался по сторонам и подгонял своего гнедого мearха. Через луку седла была переброшена походная сума, в которой болтались съестные припасы и бурдюк чистойшей ключевой воды. На плечи накинут был бархатный плащ темно-красного цвета, с большой лошадиной головой, вышитой во всю спину. Золотая цепь на груди колыхалась, позвякивая о застежки дорогого камзола. Он держал путь на запад, к Туманным горам, и к расположенной за ними стране под названием Дунланд, с которой Рохан вел давнюю, упорную и затяжную войну.

Дорога была хорошей, утопанный Северный тракт вел через Вестфолд, владения маршала Эркенбранда. За безопасность тут можно было не беспокоиться. Впереди лежала Хельмова падь с ее крепостью Хорнбургом, который ни разу не удавалось взять ни одному из врагов. Грима чувствовал себя уверенно, тем более, что времени было достаточно: за отведенные ему три недели он успел бы проделать этот путь не единожды.

Впереди лежали Врата Рохана — узкая долина между

южной оконечностью Туманных гор и длинным хребтом Эред Нимраис, или Белыми горами. Чем ближе подъезжал Грима к этому месту, откуда начиналась дорога на Изенгард, тем сильнее сжималось его сердце. Он то и дело привставал в мягких кожаных стременах и вглядывался в даль: не мелькают ли в высокой траве черные плащи урукхаев? Не слышно ли криков на их варварском языке?

Но все было тихо: по-видимому, они не воспользовались победой и не вышли за пределы своей горной долины, хотя и могли взять под контроль переправу через Изен. Вскоре показалась и сама река: ее извилистая голубая лента петляла между холмов, унося воды в Великое море. Он боялся даже взглянуть на север, где еще недавно жарко кипела сеча: слишком свежи были воспоминания о поражении, слишком сильной болью отдавались мысли о том, какие беды он навлек на себя и свое государство.

Брод был свободен. Жаркое лето высушило реку, берега отступили, и посреди течения оголился островок, покрытый обкатанной речной галькой. Гнедой конь уверенно вошел в воду, рассек струи своей мощной грудью и стукнул копытом по гладким камушкам островка. И в этот же самый миг Грима заметил, что на противоположном берегу стоит всадник на черной лошади.

Всадник был неподвижен. Он был закутан в плотную накидку, скрывающую очертания тела, а на лицо его падал капюшон — так низко, что не было видно глаз. Он не издавал ни звука. В его облике, в его мертвенной неподвижности было что-то настолько зловещее, что Грима остановился, как вкопанный. Минуту он смотрел на неподвижную фигуру на другом берегу, а затем тронул поводья и начал разворачивать коня. Черный всадник медленно двинулся прямо к нему. Грима перепугался и двинул своего мearха пятками по бокам, отчего тот подскочил и бросился обратно в воду. Однако и на том берегу, с которого Грима только что спустился, стоял точно такой же всадник — весь черный,

с огромным мечом у седла, со скрытым под капюшоном лицом.

«Я не знаю, кто это такие, и не собираюсь этого выяснять, — пробормотал Грима мearху. — А ну-ка, дружок, выноси меня из беды!» Однако деваться ему было некуда: на обоих берегах его поджидали. Умный конь нашел выход: он смело бросился на глубину и поплыл, лишь изредка отталкиваясь подковами от дна. Черные всадники тронулись с места и неспешно поскакали по берегу вслед. Они по-прежнему не произносили ни звука и не показывали лиц. Один из них вытащил из ножен огромный меч — тот сверкнул под солнцем ослепительным бликом.

Даже выносливый мearх не мог плыть вместе с наездником. Грима соскользнул в воду и поплыл рядом, держась за его мокрую гриву. Река в этом месте оказалась порожистой, течение принялось бросать их из стороны в сторону, с силой ударяя о камни. Однако и преследователям пришлось отстать: на их пути встретились прибрежные утесы, которые было не объехать. Не зная, чего опасаться больше: погони или крутых перекатов, Грима плыл и плыл дальше, барахтаясь каждый раз, когда его с силой швыряло на валуны. Футов через сто течение успокоилось, река полилась плавно и медленно. Нахлебавшийся воды, взмокший Грима принялся грести к берегу. Как только конь его коснулся суши, он тут же вскочил в седло и дал ему пятками по бокам.

Даже ночью не было времени, чтобы остановиться и обсушиться. Черные всадники искали его — он узнавал это по стуку копыт вдалеке, и по тому, как тревожно вел себя его гнедой мearх, который чуял своих вороных собратьев за много миль. Тихонько, стараясь не шуметь, Грима вел его вдоль западного края Туманных гор, которые в этих местах были еще невысоки.

Ночь была смутной, неясной: месяц лишь изредка выглядывал из-за туч, едва освещая путь, но Грима давно потерял

направление и блуждал, где придется. Остановиться ему не давал топот копыт за спиной. На его счастье, преследователи тоже почти ничего не видели. Стараясь спрятаться от них в непролазные дебри, он забрался в горный проход между двумя скалами. То и дело ему чудились страшные тени, поджидающие во тьме, но конь уверенно шел вперед, как будто зная, что засады там нет. И вдруг он встал, как вкопанный, и потянул ноздрями воздух.

Впереди, на каменистой тропе, мелькнули светящиеся глаза. Они были круглыми, жадными, злыми. Тотчас же справа и слева из темноты начали возникать такие же пары светящихся глаз. Ночь прорезал жуткий волчий вой, послышалось клацанье зубов. Не дожидаясь команды, конь повернул назад, но сзади, со стороны равнины, его встретил целый рой злобных взглядов. Горящие глаза двигались, заходя со всех сторон.

Грима попытался отъехать в сторону, но склоны гор были слишком крутыми. Пробраться по ним нечего было и думать. Он вытащил из сумы тугую плетть, кончик которой разветвлялся на семь кожаных язычков, в каждый из которых было вплетено по свинцовому шарик.

— Ну, либо вы меня, либо я вас! — с отчаянием в голосе заорал он ночным хищникам.

Конь его ломанулся вперед. Почти потеряв в темноте ощущение пространства, Грима начал хлестать направо и налево плетью, целя в клацающие морды со светящимися глазами. Хищники прыгали на него со всех сторон, конь нес, не разбирая дороги, а он жутко орал, перекрывая волчий вой:

— Вот вам, варги! Легко вы меня не возьмете!

Конь сам вынес его на равнину. Они помчались во весь опор, мелькая, как тени, в лучах блеклой луны, краешек которой торчал из-за дымчатого облака. Стая варгов неслась за спиной, дико завывая и щелкая зубами у самого лошадиного хвоста.

Впереди показался перелесок, за ним открылись холмы с ровной дорогой посередине. «Дорога! Значит, рядом есть люди!» — мелькнула радостная мысль. И в самом деле: вскоре у обочины начали попадаться редкие избушки, а через четверть часа бешеной гонки впереди возникла плетеная изгородь, за которой виднелся поселок. Недолго думая, он подстегнул коня плетью и перелетел через ограду.

Его уже поджидали: разбуженные горожане с дубинами и вилами в руках собирались на главной улице, на вершине сторожевой башни уже несли громкий стук тревожного била.

— Родные мои, как я рад! Спасайте, не то с меня шкуру спустят! — во весь голос проорал он сумрачным лицам, виднеющимся в темноте.

Однако ему тут, видимо, были не рады. Коня жестко схватили под уздцы и остановили. Самого наездника мигом стащили с седла и скрутили ему за спиной руки.

— Да вы что, с ума сошли, что ли? — обиженно орал Грима. — Меня только что чуть не задрали!

Но его даже не слушали. Коня увели, а его самого бросили на подстилку в какой-то ветхий деревянный барак.

— Отпустите! Слышите? Я всего лишь несчастный путник! — орал он в темноту.

Но призывы его раздавались напрасно. Он очутился в хлеву. За перегородкой жевали солому коровы, чуть дальше в загоне хрюкали свиньи. Под крышей забрезжил тусклый свет синих утренних сумерек. Грима взобрался на стог сена, ухватился руками за перекладину, подтянулся и оказался у узенького окошка под густой шапкой дерна, служившего кровлей. Ему пришлось извернуться ужом, чтобы пролезть сквозь оконце. Снаружи не за что было ухватиться, и он мешком свалился на землю, ударившись боком. На его счастье, хлев никто не охранял. Держась поближе к глухим заборам, он добежал до околицы, перелез через ограду и оказался на воле. Избитая и ухабистая дорога вводила на юг, разветвлялась и петляла между холмами. И тут же ему стало

ясно, что без коня далеко не уйти.

Пришлось возвращаться, чтобы разыскать мearxa. Село уже пробуждалось от сна. Прошел по домам пастух, собирая на выгон стадо. Хозяйки, подоив коров, принялись разносить молоко по соседям. Грима быстро нашел конюшню, выходящую на центральную площадь, и забежал в скрипучие двери. Его мearx сам заржал, почуяв хозяина. Грима бросился прямо к нему — тот стоял в стойле, неубранный, неухоженный, со спутанной гривой. Но едва Грима сделал к нему шаг, как угодил ногой во что-то мягкое и костистое.

— Ой! Ты кто такой? — взвизгнул невидимый в темноте человек.

Грима отпрянул, но было поздно. Конюх вскочил и вцепился в него обеими руками.

— Держи конокрада! — завопил он что было мочи.

— Никакой я не конокрад! Это мой жеребец! — попытался вырваться советник.

Однако на крик уже сбегались со всех сторон селяне с дубинами и топорами. Гриму мигом доставили на площадь и бросили в пыль. Вокруг него собирались местные жители, и вид их не внушал ничего хорошего. Они были одеты в грубые домотканые рубахи с накинутыми поверх безрукавками из дубленых звериных шкур. Лица их были смуглыми, заросшими густыми бородами. Темные глаза бросали на пленника недобрые насупленные взгляды. Грима почувствовал в их говоре и движениях угрозу. Ему стало не по себе, он непроизвольно попытался вырваться из рук держащих его стражей, но его резко осадили.

— Вот это птица к нам залетела! — потирая ладони, проговорил вожак собрания, мужик с огненно-красной бородой. — Я его знаю. Это советник лошадиного короля, наш давний противник. Что тебе понадобилось в Дунланде, зачем явился среди ночи?

— Меня гнали горные варги, — сбивчиво заговорил Грима. — Я спасал свою жизнь и не хотел причинить вам вреда.

Все, что мне нужно — это плащ урукхайского капитана и комплект амуниции. Я готов их купить. У меня есть серебро и очень дорогой конь редкой породы.

— Коня мы у тебя забираем, серебро тоже, — сообщил ему предводитель собрания. — И зачем тебе урукхайский плащ?

— Без него меня не пропустят в Изенгард. Там в заточении томится мой друг и учитель Гэндальф, о котором вы, конечно же, слышали.

Собравшиеся разразились возмущенными криками, от которых куры, гуляющие по площади в поисках зерен, переполошились и принялись взметать крыльями пыль.

— Ты друг Серой Хламиды, этого злобного баламута и колдуна? — воскликнул мужик с красной бородой. — Гэндальфа, который натравил на нас орду конепасов? Того самого, который разжигает войны везде, где бы ни появлялся? Кто приучает подростков курить какую-то ширскую гадость? Так он твой учитель? Боюсь даже спросить, чему ты от него научился.

Толпа, казалось, была готова наброситься и растерзать его прямо сейчас. Но Грима забыл об угрозе.

— Как ты можешь так говорить? — заорал он, выходя из себя. — Гэндальф — самый светлый из кудесников! Он учил меня смирять гнев и принимать мир таким, какой он есть. Конунга Теодена он учил, что главная цель государя — благоденствие его подданных. Народ он учил терпению и трудолюбию. Я не знаю никого, кто был бы так мудр и настойчив.

— Из твоих слов мы поняли только одно: этот враг всего мира наконец-то попался, и получит теперь по заслугам. А ты — его приспешник и шпион, раз хотел попасть незамеченным в Изенгард. Мы не станем наказывать тебя сами. Пусть Белый волхв Ортханка решит, что с тобой делать. А капитан урукхаев, плащ которого ты хотел получить, сам его тебе и подарит — это я обещаю!

Народ на площади разразился одобрительными возгласами.

На этот раз его бросили в сырой подвал, и крышку заперли на замок. Временами до него доносилось жалобное ржание его мearxa, который звал хозяина. На следующий день его вывели на свежий воздух. Он вдохнул полной грудью и радостно принялся озираться по сторонам, однако тут же осекся и опустил глаза в землю. Перед ним стоял урукхай — высокий жилистый воин в темном плаще с золотой ладонью на груди и спине. Кожа его загорела под солнцем так, что казалась бронзовой. Смуглое лицо было тщательно выбрито, и этим он отличался от бородачей, столпившихся вокруг. Личный герб на крытой серебром нагрудной бляхе указывал на звание капитана. Он слушал рассказ рыжебородого старосты о пленнике и недобро улыбался, оскаливая пару клыков, выглядывающих из-под нижней губы.

К нему подвели Гриму и тщательно пересчитали все, что было у того при себе: золотую цепь с шеи, кошелек, седельную суму с остатками припасов. Конюх привел мearxa, но едва тот почуял урукхая, как вздыбился и заржал, чуть не раскроив копытом пару черепов. Офицер тоже перепугался, увидев лошадь так близко, и закричал на урукхайском наречии, чтобы ее увели. Грима постарался запомнить, что уруки и лошади не переносят друг друга.

— Капитан Драш, мы просим почтеннейше передать Белому волхву, что совет старейшин и весь народ Дунланда хранит верность союзу с Изенгардом, в знак чего мы и передаем этого пленного роханского барона, — раскланиваясь, заявил на прощание рыжебородый староста. — Никто не спасет нас от дикой орды рохирримов, кроме славного урукхайского воинства.

— Мы всегда защищали и будем защищать вас и дальше, чего бы нам это ни стоило, — с неожиданной сердечностью

ответил изенгардец.

Руки Грима связали веревкой, конец которой капитан Драш перекинул себе через плечо. Ему пришлось идти за ним вслед, глядя, как колышется изображение златотканной ладони на спинке его плаща. Он жалобно оглянулся на своего коня — тот стоял и понуро мотал головой. Сразу десять бородачей держали его под уздцы.

Они долго петляли по тропам, пересекали небольшие перелески и поднимались на холмы. Идти приходилось быстро, но урукхай не останавливался и не отдыхал. Куда его ведут, Грима даже не спрашивал — путь лежал в горы, за которыми прятался Изенгард.

Неожиданно воздух прорезал отчаянный волчий вой. Грима задрожал. Но капитан Драш все так же уверенно шагал вперед, дергая его за веревку. За кустами начали мелькать серые шкуры. Это были варги — страшные твари, похожие на волков, но гораздо более крупные и свирепые. Они начали выбегать на дорогу и глазеть на них, щерясь. В тесной ложбине между двумя холмами скопилась целая стая. Грима начал замедлять шаг, а затем вовсе остановился и закричал:

— Ты что, не видишь, куда идешь?

Но урукхайский капитан лишь издевательски расхохотался в ответ. Он преспокойно подошел к стае варгов и потрепал самого крупного по загривку. Тот, вместо того, чтобы откусить ему руку, повалился на спину, как щенок, раскинул лапы и подставил брюхо. Урук ласково почесал ему шерсть, погладил еще пару зверей и беззаботно двинулся мимо. Глядя на Грима, серые хищники скалились и щелкали зубами. Он так перепугался, что боялся оглянуться даже тогда, когда они удалились на целую милю.

И тут урукхай забеспокоился. Он остановился и принялся тревожно вглядываться в небо, по которому пробегали едва заметные облака. Прямо перед ним на землю упала чья-то тень, быстро мелькнула и исчезла за грудой камней. Офицер резко дернул веревку и бросился бежать. Гриму пришлось

волочиться за ним вслед — он не понимал, что случилось, и едва успевал переставлять ноги. А урукхай был, казалось, в совершеннейшей панике. Он метался между скалами, как будто хотел забиться в первую попавшуюся щель. И тут только Грима разглядел, чего он так боится. Прямо над их головами парил, хищно щелкая клювом, огромный орел.

Такой птицы Грима еще не видел. Она была коричневато-серой, но кончики ее крыльев казались ослепительно белыми. Когти были длинными и острыми, как мечи. Но больше всего его поразили ее размеры. Даже тогда, когда она поднималась высоко в небо, она заслоняла добрую половину облаков. Неудивительно, что вражеский капитан пришел в ужас.

Орел сложил крылья и бросился вниз. Он целил прямо в черный плащ с золотой ладонью на спине, и урукхай со всех ног припустил вперед по тропе. Но даже на бегу он не выпускал из рук веревки, на которой тащил пленника за собой.

«Эх, будь что будет!» — решил Грима и принялся изо всех сил упираться. Урукхай в бешенстве обернулся и сердито заорал на него, но деваться ему было некуда: орел пикировал на его макушку. Позабыв обо всем на свете, Драш бросил веревку и ринулся в расщелины скал. Грима не стал дожидаться, чем кончится дело. Он распластался среди камней, услышал, как гигантские крылья со свистом рассекают воздух над его головой, а после вскочил и бросился наутек.

Связанные руки мешали бежать, но он думал о них меньше всего. Он искал, где укрыться, еще не зная, кого он больше боится — гигантского хищника или вражеского офицера. Лишь пробежав без оглядки полмили, он позволил себе остановиться и обернуться. Орел все еще парил над скалами, выслеживая свою добычу. На беглеца он не обращал внимания. Грима бросился дальше, нырнул в овраг, поросший густым кустарником, и принялся продираться сквозь колючие ветви.

Бежать было трудно до чрезвычайности. Он запыхался и выбился из сил. Колючки оцарапали его лицо и руки, все еще спутанные веревкой. Одна из коряг на его пути оказалась особенно запутанной и разветвленной. Он споткнулся об нее, растянулся на влажной земле и расплакался от бессилия.

— Да за что же мне эта напасть? — вслух выкрикнул он. — Я не воин и не следопыт, я всего лишь советник, привыкший к столичной жизни. Годы мои уже не те, да и здоровье подводит. Дернул же меня леший ввязаться в эти приключения!

Отвечать на это горестное сетование было некому: лишь какая-то юркая тварь промелькнула в кустах, и он понял, что лучше убираться подобру-поздорову.

ВРАТА ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Болело все: колено, ушибленное о корягу; бок, битый от падения на землю, спина, по которой успели заехать дубиной дунландцы, и особенно руки, стянутые жесткой перевязью. Он опустился без сил на камни перед высокой горной грядой и зубами принялся развязывать узел на своих путях. Ковыряться пришлось полчаса, но он все же справился и с облегчением выкинул остатки веревки в озеро, образованное запруженной речкой.

Он узнал эту речку — это была Сираннона, стекающая с вершин Туманных гор. Она перекатывалась через запруды и с шумом плескалась в порогах, уходящих в долину. День клонился к закату, огромное красное солнце медленно опускалось к западному краю земли, окрашивая заснеженные вершины гор в розовый цвет. Однако Гриму совсем не обрадовал этот чудесный пейзаж. Он подумал, что ночью в горах рыщут варги, и если ему срочно не найти надежного убежища, то до утра он может не дотянуть.

Краешек неба быстро темнел. Грима забеспокоился.

— Что ты будешь делать? — бегал он вокруг, как заведенный. — У меня даже простого оружия нет. Куда же деваться?

Неожиданно ему вспомнились долгие вечера, которые Гэндальф проводил у него, когда посещал Эдорас. Старый волхв попыхивал трубкой, пуская колечки, и рассказывал свои бесконечные байки про былые времена, войны глубокой древности и ужасных чудовищ, которых он лично низверг в тартарары. Никто не мог разобрать, что в его историях

правда, а что выдумки. Однако то, что в Туманных горах скрыто подземное царство гномов, люди Рохана знали и без стариковских баек. И, если верить трепу усталого путника, вход в него должен был находиться как раз где-то здесь: в том месте, где Сираннона сбегает с горы Карадрас.

Грима забежал вдоль скалистых склонов, возвышавшихся перед ним, как стена. Они были старыми, потрескавшимися. Из каменных морщин торчали ростки трав и карликовых деревьев. Но нигде не было видно ничего, что напоминало бы вход в подземный город.

— Как же так? Ну ведь здесь же! Гэндальф же говорил! — чуть не плача, выкрикивал Грима.

Горное эхо разносило отзвуки его криков на мили вокруг. Солнце уже спряталось за краешек горизонта. На небо высypали яркие звезды. Грима устало сел на землю и привалился спиной к скале. Неожиданно над окрестностями поплыл заунывный волчий вой.

Он вскочил, как ужаленный. В темных зарослях ничего не было видно. Деревья качали ветвями, как огромными лапами, и казалось, будто это ожили легендарные энты, готовые придушить мелкого человечка, нарушившего их вековечный покой. Каждая тень, каждый шорох казались ему проявлением враждебных сил. И тут он заметил, что луч ясного месяца падает в углубление в скале. Он начал карабкаться вверх по склону, скользя и срываясь, и вскоре оказался на небольшой горной площадке. Она возвышалась как раз над озером, по которому плавало что-то вроде темной коряги. Но Грима не обратил на нее никакого внимания. Его взгляд был прикован к сияющим узорам, проступающим, казалось, прямо из глубины скал.

Семь ярких звезд полыхали над изображением короны, отлитой из волшебного металла, ведомого одним гномом. Два дерева оплетали ветвями звезду Феанора, великого мастера древности. Молот и наковальня напоминали о гномах, основавших подземные копи. А над всеми этими

сверкающими изображениями шла надпись, выполненная эльфийскими рунами: «Врата Дурина, владыки Туманных гор. Скажи „друг“ и войди. Я, Нарви, сделал их. Келебримбор из Эрегиона начертал эти знаки».

— Нашел! Нашел! — принялся пританцовывать Грима.

Однако дверь и не думала открываться. Сколько он ни толкал ее, как ни налегал на нее всем телом, как ни пинал ногами и не бросался камнями — она не отвечала на его усилия. Кажется, Гэндальф рассказывал, что она открывается колдовством. Город Хазад-Дум основали гномы из рода лангобардов под предводительством Дурина Великого.

Грима принял важный вид, приосанился, и торжественным голосом произнес:

— Именем Дурина, отворись!

Каменная дверь не шелохнулась. Он почесал голову, вспомнил старинную детскую сказку, и радостно выкрикнул:

— Сим-сим, откройся!

Однако и на эти слова дверца не реагировала. Волчий вой нарастал. Тени в зарослях зашевелились. В сгустившейся тьме начали мелькать сверкающие глаза хищников, почуявших жертву. Грима пришел в отчаяние и принялся выкрикивать наугад все гномьи слова, которые приходили ему на ум:

— Карадрас! Баразинбар! Зиракзигиль! Келед-зарам!

Однако услышали его только варги. Они начали скапливаться у подножия площадки и сверкать на него своими светящимися во тьме глазами. Грима перечитал надпись и выкрикнул:

— Какой же я остолоп! Ведь надпись сделана на эльфийском языке Келебримбором. Нужны слова не гномов, а эльфов!

И, с замиранием сердца, он произнес:

— Келебримбор! Помоги мне открыть эту дверь!

Варги у подножия площадки радостного взвыли. Они принялись подсказывать и щелкать зубами всего в паре футов от края площадки. Дверца тоскливо сияла во тьме

и не шевелилась.

— Чупакабра! — выкрикнул Грима первое, что пришло в голову, а затем принялся сыпать эльфийскими именами, даже не думая, что они означают:

— Трандуил! Галадриэль! Келеборн, твою мать! Откройте же дверь, чтоб вас всех пьяные орки в Дол-Гулдуре пытали!

Один варг вскочил на площадку и злобно оскалился. Грима остолбенел. Прилив холодного ужаса на миг парализовал его. Не думая о том, что делает, он подскочил и изо всех сил столкнул его обратно. Хищник попытался укусить его, но не успел. Он свалился на спины своих сородичей, но тех это только раззадорило. Грима вжался спиной в скалу, но деваться ему было некуда. Варги принялись выскакивать на площадку и набегать на него. Их горящие глаза сверкали в предвкушении добычи.

Неожиданно коряга, плававшая в озере, ожила. Один из ее корней выпростался из темной глубины, обвился вокруг самого крупного варга, и утянул его в воду. Мутная жижа булькнула, поглощая зверя. А оставшиеся ветви коряги тянулись, как щупальца, к остальным членам стаи. Один за другим они оплетали огромных волков и тащили их в озеро. Варги упирались и дико визжали.

Грима и сам пришел в ужас. Он увидел, как одно из щупалец поднялось на площадку и принялось шарить по каменным уступам, выискивая жертву. Оно подбиралось к нему все ближе и ближе, и деваться от него было некуда.

— Элронд! Ривенделл! Арвен! — от отчаяния заорал он первое, что пришло в голову.

Последние имена напомнили ему старую байку Гэндальфа о славном эльфийском витязе, будто бы победившем огненного демона балрога, живущего в Подземелье. Гэндальф рассказывал, будто этот витязь похвалялся, что у него к вратам Мории есть свой собственный пароль. Вот только как его звали? Грима помнил только, что имя было какое-то

смешное: что-то вроде Голд или Фингер...

Щупальце дотянулось до его сапога. Оно было упругим и жестким. Он подпрыгнул в воздух и попытался уцепиться за светящуюся дверь, но она была гладкой, и он рухнул обратно.

— Как тебя звали, дурень эльфийский? — заорал он. — Гольдфингер? Гной-Хрюндель?

Щупальце обвилось вокруг его пояса и потянуло вниз, в воду.

— Ой, нет! погоди! дай мне мгновенье! Я вспомнил! Глорфиндель! Этого хвастуна звали Глорфиндель! Ворота, откройтесь!

Мерцающая дверь поползла в сторону. Щупальце обвиняло его тело все плотнее и плотнее. Ужасная темная тварь начала выползать из воды. Она напоминала клубок чудовищных змей, которые сплелись в одно существо. Из пасти торчали клочья шерсти и кости варгов.

Сделав неимоверное усилие, Грима втянулся в зияющую черноту провала, открывшегося перед ним в горе. Щупальце сопротивлялось и пыталось выудить его обратно.

— Захлопнись! — дико завизжал Грима дверце. — Закройся скорее!

Едва он пересек порог, как каменная дверь начала двигаться обратно. Она с шумом наехала на скалистый косяк и придавила извивающееся щупальце. Змеиный клубок зашипел. Грима почувствовал, как хватка на его поясе ослабевает, и принялся отрывать от себя холодную, скользкую кожу. Через несколько мгновений он был уже свободен. Тварь зашипела громче и утянула свое щупальце прочь. Дверца с грохотом захлопнулась, погрузив подземелье в полный мрак.

— Что ж ты творишь со мной, злая нечисть? — жалобным голосом завопил вслед исчезнувшей твари советник. — Кто может выдержать такие стрессы? Я даже в молодости не был на это способен, а уж теперь и подавно. За что, за что все это

свалилось на мою голову?

УЖАСЫ МОРИИ

Он очутился в крошечной темноте. Не было видно даже ладони, поднесенной к лицу. Ни один лучик света не пробивался в это подземное царство.

Грима попробовал пробираться наощупь, но тут же споткнулся о крутые ступени и хлопнулся лбом о каменный выступ на лестнице, уводящей куда-то вверх. На голове выскочила шишка, до которой больно было дотронуться. Решив, что сегодня ему все равно не везет, он устроился на ступеньках и задремал. Ему приснилась принцесса Эовин. Во сне ее золотистые волосы были распущены, и она соблазнительно встряхивала ими, смеясь звонким голосом. Светлые глаза ее заглядывали Гриму прямо в душу. Эовин скакала перед ним на белой лошадке и звала за собой. Он пробудился и долго еще представлял себе ее роскошные пышные волосы и ее зовущий взгляд.

«Ах, как жаль, что ты предпочитаешь не пожилых королевских советников, а молоденьких кавалеристов со звенящими шпорами», — пробормотал он себе под нос.

На лестнице было все так же темно. Невозможно было понять, продолжалась ли ночь, или снаружи уже начался день. Ныла шишка на голове и очень хотелось есть. Грима принялся шарить руками в потемках, и вскоре собрал комок старой пакли и дровцо от сломанной то ли кирки, то ли лопаты. На его счастье, в походном кошельке еще сохранилось огниво, и вскоре в его руках запылал настоящий факел.

«Спасибо, Гэндальф, что научил меня делать светочи

из всего, что попадаетея под руку!» — вслух сказал он, вспоминая наставника. При воспоминании о нем он сразу же заторопился — ведь прошло уже целых три дня из срока, отведенного ему Теоденом, а он был все так же далек от освобождения Серого волхва, как и в самом начале.

Перед ним простиралась Черная бездна. Так издавна называли Морию, царство гномов Туманных гор. Оно состояло из множества этажей, поднимающихся вверх, к заснеженным вершинам, и спускающихся вниз, к дышащим жаром недрам.

Было тихо, но тишина была пугающей и тревожной. Из темноты доносилось журчание ручьев, пересекающих подземные коридоры. С гулким звоном падали с каменных потолков капли. Слышались неясные шорохи и отдаленные отзвуки, порожденные неизвестно кем и неизвестно где. И вот в эту пугающую темноту ему и предстояло идти.

Заставить себя сделать шаг было трудно. Уж лучше было повернуть назад, к солнцу и свету. Пусть там поджидают варги, пусть охотятся за ним злые дунландцы и свирепые урук-хаи — от них хоть знаешь, чего ожидать. А в этих неясных глубинах может таиться такое страшилище, что даже ночной кошмар по сравнению с ним покажется развлекательной сказкой.

— Меня ждет Гэндальф! — дрожащим голосом сказал сам себе Грима. — Он томится в Ортханке, и никто, кроме меня, ему не поможет. Он послал зов о помощи мне, мне одному, потому что верил, что из всех его учеников только я могу ему помочь. Он мне верит, и обмануть его веру я не могу...

Звук его голоса разносился по просторам пещер и отдавался гулким эхом от высоких потолков, невидимых в темноте. Он заставил себя сделать шаг, потом еще и еще. Через несколько шагов ему показалось, что поворачивать назад уже поздно, и он начал спускаться вниз, по коридору, ведущему на подземные этажи.

Через пару часов Грима дошел до просторного зала,

из которого выходили три коридора. Один из них поднимался вверх, а другой вел вниз. Центральный был прямым, но более тесным. Он задумчиво остановился перед ними. Подземелье представляло собой темный лабиринт, в котором легко было затеряться навечно. Он понимал, что нужно идти на восток, но где тут восток?

Подождать он решил в тесной комнатке за неприметной дверцей. Воздух в ней был застоявшийся, пахнувший плесенью. Он сделал несколько шагов по скользкому полу, но при очередном шаге нога его не встретила твердой опоры, и он неожиданно для себя ухнул в темный провал шахты, зияющей посреди помещения. На его счастье, провал оказался не очень широким: падая, он ударился головой о его противоположный край, и тут же вцепился руками в каменный выступ. Под ногами его сыпались камни. Они летели куда-то вниз, в невидимую пустоту, и обрушивались в воду — отсюда были слышны всплески. Но они доносились с такой глубины, что страшно было даже подумать, сколько ему придется лететь, если он упадет.

Он пришел в ужас и отчаянно забарахтался. Ему удалось подтянуться и выбраться на ровную поверхность. Факел он выронил — тот унесся в бездну, и вскоре последний из его отблесков сгинул во тьме. Он отполз к стене и попытался отдышаться. Лоб покрылся холодным потом, ладони были сырыми, пальцы дрожали.

— Гэндальф! — напомнил он сам себе. — Он надеется на меня!

Материалов для нового факела под рукой не находилось. Ему не оставалось ничего, как идти вперед наощупь. Из одного коридора тянуло сыростью, и он ему не понравился. Из другого шло ощущение жара и сухости, и он не решился лезть в пекло. И лишь из третьего воздух шел свежим — он понадеялся, что этот путь приведет его к выходу, и пошел вперед, придерживаясь за стены.

Коридор тянулся вверх, но идти было довольно легко.

Ровный пол был вымощен плиткой. Вскоре Грима перестал держаться за стены, и, несмотря на кромешную тьму, зашагал увереннее. Через каждые два часа он делал привал и отдыхал, но сидеть в этой тьме было страшно, и он волея-неволей пускался вперед.

После целого дня пути он заметил на стенах отблески тусклого света. Это его ободрило, и он поспешил вперед. Вскоре он вышел в огромный просторный зал. Под высоким каменным куполом были прорублены узкие окна. Розовый свет заходящего солнца прорывался сквозь них и бросал яркие блики на стены. Тьма рассеивалась и открывала вид на четыре магистральных коридора, уходящих из этой узловой точки на все стороны света. В зале стоял полумрак, но Грима впервые за день видел хоть что-то, и это было так радостно, что он завопил во весь голос:

— Гэндальф, я иду к тебе! Скоро выберусь, потерпи!

Эхо от его крика получилось таким громогласным, что он сам его испугался, втянул голову в плечи и принялся озираться по сторонам — не выползет ли из темных углов какой-то неведомый монстр? Но ничего не случилось, и он расположился на ночлег у стены. Вскоре закат под потолком погас, и снова стало темно. Он заснул и несколько раз просыпался, но темнота его уже не тревожила.

Утро получилось веселым. Погода за пределами пещер стояла пасмурная, но Грима был рад даже тусклым отблескам серого дня. Он долго бродил по залу, решая, в какой из трех оставшихся коридоров направиться, и наконец выбрал северный, потому что его темнота была прорезана слабыми лучиками далекого света.

Ему давно уже мерещилось, будто за спиной раздаются шлепки чьих-то ног, но он приписывал это своему разыгравшемуся воображению и заставлял себя не обращать внимания на эти звуки. Однако в коридоре звуки чужих шагов

стали слишком явственными. Он резко обернулся и увидел в глубине пару тусклых серых глаз, которые смотрели на него, не мигая. Не давая себе труда задуматься, кто бы это мог быть, он резко рванулся с места и припустил вперед.

Запыхавшись, он добежал до двери, сквозь которую пробивался свет. Ему пришлось отчаянно побороться, чтобы сдвинуть ее с места, и только после этого он смог попасть в комнату, под высоким потолком которой было прорублено окно. Комната была небольшой, и окна хватало, чтобы осветить ее всю. Тут было так светло, как не бывало нигде с тех пор, как он вошел в подземелье. В каменных стенах были вырублены углубления, там стояли деревянные ящики. Крышки некоторых были откинuty, из них торчали деревянные обложки старых книг, покрытых толстым слоем пыли. Под ногами хрустели осколки, и приглядевшись, Грима заметил, что это кости погибших воинов, павших некогда в неведомой битве. По всему помещению были набросаны покоруженные доспехи, изорванные в клочья кольчуги, помятые шлемы. Вперемежку с ними валялись гномьи секиры и изогнутые мечи орков. У стены, прямо под окном, покоилась мраморная плита с надписью на неизвестном языке. Но Грима некогда было оглядываться. Он изо всех сил налег на тяжелую дверь, пытаясь затворить ее за собой. Только после многих усилий ему это удалось, и он избавился наконец от страха перед этими мутными глазами, преследующими его из темноты.

— Ну, Гэндальф, это все ради тебя! — пробормотал он себе под нос. — Если б не ты, то не полез бы я в эту Черную бездну ни за какие коврижки!

Он оказался в ловушке. Идти было некуда, а высунуться обратно он боялся. Он принялся шарить по комнате и обнаружил неплохо сохранившийся меч. Тот был коротким и широким, из отличной многослойной стали. С ним Грима сразу почувствовал себя увереннее. Он со свистом разрубил

перед собой воздух, и ему тут же захотелось точно так же заехать клинком этому неизвестному существу прямо промеж его жутких глаз.

Он тихонечко выбрался из-за дверей и начал пробираться вниз по коридору. Однако в нем было пусто. Ничьи глаза не светились во тьме. Не было слышно шлепков босых ног по камням.

Грима шел дальше и дальше, размахивая мечом и крича: «Эй, где ты там? Выходи! Я тебя не боюсь!» Холодная липкая тварь, похожая на гибкое животное, скользнула во тьме перед ним, нырнула в проход и скрылась за поворотом. Грима поймал кураж и устремился за ней. Он ощутил себя хищником, преследующим добычу, и ему стало жарко и весело. Они пробежали пещерные залы, освещенные слабыми лучами, пробивающимися из-под высоких сводов. Он уже видел своего противника: это был кто-то, похожий на ловкую обезьяну, передвигающуюся на четвереньках. Еще чуть-чуть, и он ухватит его то ли за хвост, то ли обрывок веревки, болтающийся на поясе.

Тварь вбежала в огромный зал и стала невидимой за массивными колоннами. Грима потерял ее из виду и быстро понесся вперед, отчаянно вертя головой по сторонам. Неожиданно он налетел на препятствие, едва различимое в темноте, отскочил и упал на задок. Впереди раздался дружный хохот десятков злых голосов. Он поднял голову.

Перед ним возвышался целый строй горных воинов, с ног до головы закованных в доспехи. Они были едва различимыми в полумраке. Шлемы с прорезями для глаз были темными, так что лиц за ними было не разглядеть. Круглые щиты перегораживали все пространство зала от стены до стены, а руки крепко сжимали кривые мечи, излюбленное оружие орков.

— Поднимайся, гороховый шут! — пролаял ближайший к нему боец. — Бросай оружие и сдавайся!

Грима похолодел. Он не знал, что делать, и не осмели-

вался пошевелиться. Строй орков дружно сделал шаг вперед, как будто собирался затоптать его всей своей массой. Не думая ни о чем, Грима вскочил и бросился обратно, к выходу, из которого он только что появился. Но из спасительной темноты коридора на него снова блеснула пара мутных светящихся глаз. Он отшатнулся и побежал вдоль стен, в которых были вырублены проходы с колоннами и арками. Выбирать ему не приходилось, и он юркнул в первый попавшийся — длинный и узкий.

Коридор вел его вниз. Ступеней не было, издали веяло жаром и сухостью, но сзади уже доносился мерный топот десятков тяжелых сапог — это гнались за ним горные орки, а попасть в их лапы не пожелал бы никто.

От коридора постоянно отходили ответвления. Он нырял то в один, то в другой проход, даже не думая, как он будет искать дорогу обратно. А дорога вела его все ниже и ниже, на глубинные ярусы, от которых поднималось жаркое дыхание земных недр.

Из боковых проходов начали показываться новые орки. Они стремились ему навстречу, и ему стоило больших трудов увернуться от их цепких лап. Несколько раз его чуть не схватили, он отмахивался мечом, но сражаться всерьез даже не думал.

Наконец, путь привел его в неотесанную пещеру, усеянную каменными сосульками, торчавшими и с потолка, и из пола. Они вздымали вверх острые шипы, и ему стоило немалых трудов не напороться на них. Погоня тоже вынуждена была сбавить шаг.

Здесь, на глубине, уже не было окон, освещающих темноту. Но на стенах пещеры плясали багровые отблески огня, поднимающихся из глубины. Во многих местах каменный пол был прорезан расщелинами, на дне которых плескалась раскаленная лава. Пахло серой, стоял душливый туман. Дышать сразу сделалось трудно, но деваться было некуда, и Грима понесся к противоположной стене, зажимая нос.

В дальнем конце зала из валунов был выложен грубый и безобразный престол. На нем восседал горный тролль с железной цепью на шее. В руках у него была огромная дубина. Не разбирая дороги и почти ничего не видя, Грима подскочил к нему и принялся карабкаться вверх. И только когда оказался на коленях этого чудища, вдруг осознал, что случилось. Огромные, как тарелки, глаза, уставились на него сверху. Цепкие пальцы схватили его за бока и сжали так, что сделалось плохо. Толпа орков у него за спиной остановилась и принялась гоготать.

— Он сожрет его! Разотрет в порошок! Кости хрустнут! — вопили пещерные воины, предвкушая жестокое зрелище.

— Ты кто? — хриплым голосом спросил тролль.

Голос его был таким громоподобным, что от потолка откололась пара сосулек.

— Я — королевский советник, — дрожащим голосом попытался ответить Грима.

— Значит, тебя можно есть! — заключил тролль, сжал его еще сильнее и попытался содрать с него черный камзол из мягкого бархата.

— Нет, нельзя! — отчаянно завизжал Грима.

— Это еще почему? — удивилось чудовище.

— Просто нельзя, и все! — визжал Грима. — Прав таких не имеешь! Я пожалуюсь королю!

Орки заходились от приступов хохота. Некоторые из них повалились на землю и катались меж каменных выступов, надрывая животы.

— Постой, не ешь его быстро! Пусть еще скажет что-нибудь! Так смешно! — орали они.

Однако тролля это все-таки задержало. Он долго разглядывал свою добычу и соображал, о каком короле идет речь.

— В этом зале я сам король, и никто тут мне не указ! — наконец, хрипло протрубил он.

Он схватил Гриму обеими руками и потянул в стороны, намереваясь разорвать на половинки. И тут что-то случи-

лось. Отблески багрового пламени, пляшущего в глубине расщелин, вдруг померкли. Раздался дикий, истошный визг. Орки разом замолчали и попятились к выходу. Несколько из них зацепились за острые сосульки в полу, запутались и забились в судорожных попытках освободиться.

Пещера наполнилась дымом и жаром. Из темных глубин в нее медленно поднялся клубящийся сгусток пламени. Он был похож на огромного человека, со всех сторон окруженного огнем. Особенно ярко полыхала корона на его голове. В руках у него был сверкающий хлыст, концы которого разветвлялись на множество языков.

Орки завывали от ужаса и так ломанулись в узкий коридор, что застряли и не смогли протолкнуться. Троль разинул смрадно пахнущую пасть и выпустил Гриму из рук. Тот упал на его жесткие коленки, твердые, как каменное дно.

А визг, наполнивший пещеру, опять повторился. Это билось и извивалось неведомое существо, за которым недавно охотился Грима. Оно попало чудовищному огненному монстру, но тот не держал его, а лишь придавил ногой кончик веревки, обвязанной вокруг обезьяньего пояса. Это существо, состоявшее, казалось, из одних мышц и костей, пыталось сорваться с привязи и было до того перепугано, что ужас Гримы не шел с ним ни в какое сравнение.

Троль вскочил со своего престола. Грима скатился с его коленок и хлопнулся об пол, едва не напоровшись на торчащую вверх каменную сосульку. Огненный демон хлестнул его бичом, отчего троль взвыл так, что у советника заложил уши. Троль метнулся прочь из пещеры, раскидал в стороны орков, до сих пор толкающихся перед входом, и попытался спрятаться в коридоре, но тот оказался для него слишком узким, и он застрял, просунув в него одну голову.

Огненный демон хлестнул его по спине. Троль не просто завыл, а взревел. Боль его, должно быть, была страшной. У Гримы заложил уши, но даже сквозь ватную пелену он продолжал слышать истошный визг обезьянопо-

добного существа, которого демон не хотел отпускать.

— Помоги нам! Сделай хоть что-нибудь! — жалобно стояло это существо, глядя на Гриму.

Глаза его, мутные, блеклые, обезумевшие от ужаса, оказались прямо перед его лицом. Грима нашарил свой меч, выпавший у него из рук. Одним движением он перерубил веревку, удерживавшую это нелепое создание на привязи. Оно сорвалось, подскочило высоко вверх и бросилось за обрушивающийся престол. Под его валунами зиял узкий лаз, ведущий в темноту. У его жерла существо задержалось, обернулось на Гриму и прошипело:

— Скорее! За нами! Чего ждешь?

И нырнуло во тьму. Грима не заставил себя упрашивать. Не оглядываясь на дико ревущего тролля, которого полосовал огненный хлыст, он втянулся в зияющее отверстие, протиснулся вниз и на четвереньках пополз вслед за этим существом, которое оказалось проворным и юрким.

Оно уверенно маневрировало в проходах, обходя боковые ответвления, и сворачивая в те из них, что расширились и становились просторнее. Уже через несколько поворотов Грима смог выпрямиться и встать в полный рост, а юркое существо все бежало и бежало впереди него, не оборачиваясь и не останавливаясь.

Оглушительный рев тролля уже затих за спиной, а он все бежал и бежал. В коридорах стояла крошечная тьма, но он ориентировался на звонкое шлепанье босых ног. Наконец, его провожатый остановился. Грима всем телом привалился к массивной сосульке, поднимающейся из пола, и принялся жарко дышать.

— Постой хоть чуть-чуть! — взмолился он. — Я так не могу. Я уже не молодой.

Они очутились в воздушном пузыре, невесть как образовавшемся в глубине горных пород. Тьма была непроглядной, лишь изредка Грима улавливал перед собой движение блек-

лых, едва заметно светящихся глаз.

— Если ты хочешь выбраться отсюда, то торопись! — прошипело существо. — В горных глубинах — много врагов.

— Ты знаешь дорогу наружу?

— Я тут все знаю. Я прожил тут много веков.

— Да кто ты такой? — удивился Грима. — Как тебя зовут?

— Меня зовут Голлум, — сверкнуло глазами на него существо. — Злые эльфы из Лихолесья пытались пленить меня. Они обвязали меня своими жгучими веревками, которые жалеются, как крапива. Но я от них вырвался и вернулся домой!

— А что это за огненное чудище чуть не спалило нас там, в глубине?

Голлум взвизгнул, припомнив то, что только что с ними случилось.

— Не называй его имени! Не зови его! — прошипел он. — Это ужасный хозяин горных недр. Жадные гномы разбудили его, когда искали митрил, драгоценный металл. И вынуждены были бежать из подгорного королевства. Их место заняли орки, но и те дрожат в страхе перед демоном огненной глубины. Ни тролли, ни каменные великаны вершин не могут с ним совладать. Нам нужно выбираться. Держись за мной, если хочешь спастись!

Они долго карабкались по узким проходам, и выбрались в просторный коридор, уводящий наверх. Время от времени у них под ногами попадались журчащие ручейки. Голлум припадал к ним и жадно лакал, стоя на четвереньках. Отбросив брезгливость, Грима падал с ним рядом и окунал лицо в ледяные струи. Чистая вода родников освежала его, и он чувствовал, что никогда еще не бывало ему так хорошо.

Два раза они располагались на ночлег в полной тьме, и два раза просыпались, чтобы двигаться дальше. Голлуму даже удавалось поймать в ручьях больших рыб, которых он тут же обгладывал до костей. Он предлагал хвосты и жабры Грима, но тот отказался.

К закату третьего дня они вынырнули из узенького коридора в широкий покой, залитый лучами дневного света. Грима зажмурился. Свет был тусклым, погода снаружи гор стояла пасмурная, там накрапывал дождик. Но ему этот свет показался таким ослепительным, что даже южное солнце в пиратских краях не сравнилось бы с ним. За дверью просторного зала они увидели высокую арку, а за ней — зеленые заросли Черноречья.

— Хвала Манвэ, мы выбрались! — закричал Грима и побежал вперед.

Он выбежал из пещеры на свежий воздух и широко раскинул руки.

— Гэндальф, если б ты только знал, через что мне пришлось пройти ради тебя! — хохоча, кричал он и катался по осенней траве.

Голлум остановился на пороге пещеры, с недоверием глядя на окружающий мир. Он был худым и облезлым — что называется, кожа да кости. Из-под гладкой, по-змеиному липкой кожи торчали ребра и позвонки. Одни только глаза, подвижные и живые, горели Мелькоровым пламенем.

При имени Гэндальфа он съежился и прошипел:

— Ты знаешь этого колдуна?

— Конечно! — захохотал Грима, валяясь на траве и с наслаждением подставляя лицо под мелкий дождик. — Он мой друг и наставник. Ты с ним встречался?

Голлум спрятался в тень, чтобы не было видно его лица, на котором отразились недоверие и ярость.

В округе валялось вдоволь ломаных сучьев и хвороста, и вскоре Грима удалось разложить лучший костер в своей жизни. Он насобирав грибов и отварил их в кипятке, приспособив под котелок гоблинский шлем. Голлум сидел рядом, съевшись, и с недоверием наблюдал за его движениями.

— Если ты знаешь Гэндальфа, то может быть, тебе при-

ходило встречать и хоббитов? — осторожно спросил его спутник.

— Что ты! — от души расхохотался Грима. — Хольбиттлы бывают только в старинных сказках. Живьем их давно уж никто не видел. А зачем они тебе?

— Они украли у нас нашу прелесть! — с неожиданной злостью в голосе прошипел Голлум.

— Какую еще прелесть?

— Тебе не нужно знать лишнего. Но если я встречу их, то заберу свою прелесть обратно. Она моя!

Глаза его полыхнули таким огнем, что Грима отсел от него подальше. Он выплеснул остатки варева из шлема и сказал:

— Пойдем! Нам нужно уйти от гор как можно дальше. Как знать, не будет ли за нами погони.

— Нет, дальше я не пойду! — испуганно выкрикнул Голлум. — Мне нельзя. Там, впереди — Лоризн. Там злые эльфы, которые мучали меня расспросами про мою прелесть и держали на дереве, как обезьяну. Они бы замучили меня до смерти, если бы не подоспела помощь. У нас нет друзей в этом мире. У нас есть только прелесть, и ничего, кроме прелести!

— Ну, как знаешь! — беззаботно воскликнул Грима.

Из всей этой речи он понял лишь то, что странное существо отказывается идти дальше. Но стоило ему повернуться спиной, как этот гибкий и юркий упырь набросился ему сзади на шею, охватил липкими лапами и принялся душить.

— Что ты делаешь? — растерянно захрипел Грима. — Что на тебя нашло?

— Гэндальф — злой! — визгливо кричал ему в ухо Голлум. — Хольбиттлы — злые! Я накажу их, они не уйдут от мести! А начну я с тебя! Я сдеру с тебя кожу, твое мясо сожру, а кости подкину Серому колдуну, чтобы он порадовался за своего дружка!

Освободиться от цепких объятий не получалось. Грима

рвал от себя липкие руки, но воздуха не хватало, и он чувствовал, что сознание уходит, а голова наливается такой тяжестью, что вот-вот разорвется. В отчаянии он подпрыгнул прямо к костру и бросился спиной на пылающие угли. Расчет его оказался верен — в раскаленный жар угодил не он, а его противник, прилипший к его зашивке.

Зашипела змеиная кожа, поплыл запах горелого мяса. Голлум взвизгнул, отпустил его шею, извернулся и выскочил из-под него. Грима быстро выбрался из развороченного костра и принялся жадно дышать. Но Голлум и не думал отставать. Он подобрал с земли широкий меч, который Грима все еще таскал с собой, и принялся обходить его сзади.

В сгустившихся сумерках его почерневшая кожа сливалась с травой. Гриму трудно было его заметить, и он бросился наутек через предгорное плато. Некоторое время он слышал за своей спиной шлепанье босых ног, но вскоре оно прекратилось. Он обернулся.

Туманные горы погружались в ночную мглу. Со стороны Андуина веял прохладный ветер. Тучи плотно закрывали небо, так что не было видно ни месяца, ни звезд. Голлума нигде не было видно — по крайней мере, его было не разглядеть. Не зная, что ожидать от этой скользкой твари, Грима поспешил в сторону реки, где, как он надеялся, могли встретиться рыбаки, готовые оказать любую услугу советнику короля Теодена.

ЛОРИЭН

Осень ощущалась все больше и больше, по ночам чувствовался холод, и Грима, успевший промокнуть до ниточки под дождем, замерз. Тьма стояла почти такая же, как в Подземелье, а он торопился убраться подальше от гор и всех проклятых тварей, которые там обитают.

В каждом встречном холме, в каждом кусте мерещился тролль или оборотень, только и ждущий случая, чтобы схватить прохожего. Журчали невидимые ручьи, со стуком перекачивались на порогах камни, вдали полыхали отблески молний. Природа жила своей жизнью, она не спала даже ночью, и Грима, привыкший проводить время в уютных и теплых хорамах Эдораса, совсем не был готов к встрече с ней один на один.

Уже давно перевалило за полночь, а он все не мог найти безопасного места, чтобы хоть немного вздремнуть. Пару раз он угодил в мелкие речушки с ледяной водой и продрог окончательно. Он понуро блуждал в темноте, охватив себя за плечи руками, и его бил озноб. Когда он свалился в ручей в третий раз, то от отчаяния ударил по водной глади кулаком, и, подняв тучу брызг, вслух принялся причитать:

— За что мне такие напасти? Почему Учителя не может спасти кто-то более похожий на героя? Кто-то более сильный и молодой?

Однако вода в реке была такой свежей и такой приятной, что ему стало легче. Он вдруг почувствовал себя намного бодрее. Вернулись силы, появилась уверенность. Он сначала

умылся, потом попил из ладошки... Его бросило в жар. Озноб утих, ему захотелось бороться. Он выбрался на берег, сбросил с себя камзол и рубаху и как следует их отжал. Холод все еще оведал его тело, но ему было уже нипочем: вода в реке оказалась волшебной.

Он уверенно зашагал по течению и вскоре услышал отчетливый топот копыт. Его охватила бурная радость: здесь, у северных границ Рохана, любой всадник посадит его к себе на коня и довезет до первой же стоянки рохирримов. Он побежал в темноту, размахивая руками и крича:

— Эй, постойте! Подождите меня! Мне нужна ваша помощь!

И неожиданно остановился. Перед ним колыхалась прозрачная тень. Она сидела на могучем вороном скакуне, к седлу была приторочена сума, из которой торчали ножны с огромным мечом. Плащ был сброшен и висел, перекинутый через седло.

Грима шагнул назад. Тень была бесформенной. Она не имела отчетливых очертаний, но от нее веяло таким ужасом, что хотелось бежать без оглядки.

— Нет, не надо мне твоей помощи! — тонким голоском пискнул Грима. — Только отстань от меня!

И он припустил обратно, стараясь пропасть в ночной темноте. Однако всадник не думал от него отставать. Он направил коня вслед за ним. Гриму охватил ужас, он бросился удирать со всех ног, но там, где он делал три шага, богатырский конь делал всего лишь легкий скачок. Его топот раздавался все ближе и ближе. Грима затылком чувствовал приближение кошмара. Он то и дело спотыкался и плюхался лицом в раскисшую от дождя землю, но уйти от погони не мог. Слева журчала река, а справа послышался шум водопада. Еще несколько шагов, и Грима снова забежал в речной поток, но на этот пересечь его оказалось трудно, потому что противоположный берег был обрывистым и высоким. Пока он карабкался и соскальзывал, всадник нагнал его. Хриплое

дыхание тени, которая видела его даже во тьме, раздавалось уже чуть ли не над самым ухом. Грима сделал отчаянное усилие, выбрался на кручу и очутился под огромным раскидистым деревом, настолько высоким, что разглядеть, где оканчивается его верхушка, было невозможно.

И тут где-то над его головой раздался мелодичный звук серебряного рожка. Он был совсем не похож на звук охотничьих и боевых рогов роханских воинов. Это была таинственная музыка зачарованного леса, которая лилась, будто песня. Всадник, уже приготовившийся схватить Гриму за шиворот, остановился. Мелодичный звук рожка усилился, в его музыке зазвучала угроза. Тень шарахнулась назад и соскочила с обрыва вниз, к речке. Разглядеть что-либо в темноте было трудно, лишь далекие отблески молний на миг освещали окрестности. В их сиянии Грима увидел, как из густой кроны дерева спускается веревочная лестница, и по ней ловко соскальзывает вниз фигурка лучника в зелено-коричневой накидке. Лучник был не один — за ним посыпались и другие. Они были легкими и воздушными, и казалось, будто они не прыгают, а парят над землей.

Гриму тут же опутали веревками так плотно, что он не мог пошевелить даже пальцем. Страж обратился к нему на незнакомом языке.

— Простите, но я вас не понимаю! — растерянно залепетал Грима. — Я королевский советник из Рохана, приближенный конунга Теодена. Меня чуть не схватил черный призрак. Я не знаю, кто вы такие, но пожалуйста — помогите!

Разговаривать с ним долго не стали. На глаза ему упала плотная повязка, через которую не пробивались даже вспышки далеких молний. Его взяли под руки и повели по лесным тропам куда-то вглубь чащи, но он не мог видеть, куда именно — он лишь послушно переставлял ноги и причитал:

— Я вам не враг! Освободите меня!

Им пришлось пройти несколько миль. Иногда Грима спо-

тыкался, но ему не давали упасть. Когда повязку с его глаз сняли, он увидел перед собой ров с водой, деревянные стены, а за ними — крепость на холме, удивительней которой ему видеть еще не приходилось. Ночь уже отступала, небо окрасилось в лазурный цвет, и в утренних сумерках перед ним проступили очертания высоких деревьев, листва с которых не облетала даже осенью. В их огромных раскидистых кронах виднелись домики с прозрачными стенами. Резные лестницы обвивались вокруг исполинских стволов и уводили наверх, к настоящим дворцам, воздушным и легким, как и все в этом сказочном лесу.

Его подвели к самому высокому из деревьев, росшему на вершине холма, и заставили подняться на несколько пролетов вверх. Он очутился на площадке, усеянной листьями малорна — дивного дерева, какого нельзя было встретить больше нигде в Средиземье. Его окружали стражи с луками в руках — они были высокими, стройными, неземными. Ему казалось, что они не ступают, а беззвучно порхают над ветвями.

Сверху, из роскошного дворца, спрятанного в листве, к нему спустилась ослепительная пара эльфийских владык. И мужчина, и женщина были в легких просторных одеждах из белого шелка. На головах у них сияли короны из неведомого металла. Светлые глаза их внимательно вглядывались в его фигуру, согнувшуюся в три погибели — Грима боялся оступиться и ухнуть с этой площадки вниз.

— Я тебя знаю, — произнесла эльфийская королева. — Я видела тебя в своем зеркале. Конунг Теоден и его рохирримы — наши верные друзья и союзники. Но ты явился в Лориэн не один. С тобой был назгул, черный призрак лихого кольца. Что ему было нужно в Золотом лесу эльфов?

— Государыня, и ты, великий князь Лориэна! — забормотал Грима, обращаясь к ним обоим. — Я этому назгулу совсем не попутчик. Он за мной гнался и пытался схватить меня. Я едва спасся, и все благодаря вашей страже, которая вовремя

забила тревогу. Умоляю: не выдавайте меня! Позвольте мне укрыться в вашем волшебном лесу!

— Как случилось, что ты оказался так далеко от столицы Эорла? — спросил эльфийский король.

— У меня нет волшебного зеркала, но я тоже вас знаю! — не думая, что мелет его язык, сбивчиво выдавал Грима. — О Келеборне и его блистательной супруге, Галадриэль, у нас в Рохане рассказывают легенды. В Эдорас прилетел ворон с посланием от Гэндальфа. Мой друг и старинный наставник в беде. Его держит в плену Саруман. Я отправился его выручать, но сам попал в переделку и не знаю, как из нее выбраться. За мной всюду гоняется этот назгул. В Дунланде меня взяли в плен и выдали урукхаям, но я сбежал по дороге и спрятался в Мории. Однако там на меня свалились такие напасти, что даже вспоминать страшно. Едва я выбрался, как на меня набросился мой провожатый — престранное существо непонятого происхождения. И вот я сам не заметил, как очутился здесь, в вашем золотом королевстве. Я хочу спасти своего наставника, но я совершенно выбился из сил и продрог до костей. Уже две недели я не ел по-человечески. Умоляю: укройте меня от этого назгула. Я боюсь, что он спустится с неба и схватит меня прямо здесь, у вас на глазах.

Келеборн с Галадриэлью переглянулись и рассмеялись.

— Пойдем со мной, королевский советник, — позвала его королева. — Я покажу тебе что-то такое, отчего твой страх тут же пройдет.

Они поднялись еще на несколько витков вверх по лестнице и оказались в немыслимом дворце, состоявшем из нескольких ярусов площадок, укрепленных на огромных ветвях. Над каждой из площадок нависали своды с позолоченной кровлей. Они прошли через целую анфиладу залов, поднимаясь все выше и выше вокруг ствола маллорна, и оказались в небольшой опочивальне. Рядом с постелью под кружевным балдахином стоял столик. Галадриэль взяла с него ларец и вынула из него кольцо с большим синим кам-

нем.

— Знаешь, что это? — спросила она.

— Боюсь даже представить! — выдохнул Грима. — Я думал, что это эльфийская сказка.

— Это не сказка. Это Нэнья, кольцо воды. Оно было выковано великими мастерами в незапамятную старину. Кольцо это хранит наш лес от Тьмы. Ни один назгул не осмелится войти в наши владения, если я сама не позову его, надев это кольцо. Тебе нечего бояться, кроме себя самого. Ведь ты развязал войну! Зачем ты это сделал?

— Я не хотел! — искренне воскликнул Грима. — Я думал только о том, чтобы вызволить своего наставника. Разве я виноват, что все так получилось?

— Эта война может дорого стоить всему Средиземью, — печально сказала королева. — Она принесет великие беды всем, кто в нее ввяжется. Но я верю, что ты не виновен. Это Серый Колдун играет тобой, как фигуркой коня на доске. Вот только что за игру он затеял? Никто не может проникнуть в его тайные мысли.

— Эй, что ты такое несешь? — разгорячился Грима. — Как ты можешь говорить так о Гэндальфе? Он никогда не раскрывает своих планов, но я уверен: он знает, что делает. А сейчас ему нужна помощь, а я сижу тут, на дереве, в птичьем гнезде, и разглядываю ветхие побрякушки.

— Чем ты ему так обязан? — удивилась эльфийская королева. — Почему так ратуешь за него?

— Он всегда был со мной и в печали, и в радости, — заговорил Грима. — Он заступался за меня, когда мой государь Теоден отправлял меня в опалу. Он давал мне мудрые советы по управлению государством и учил меня ладить с людьми. Он один мог утешить меня, когда я потерял свою семью, и не хотел видеть белого света. Даже если солнце перестанет светить, а звезды осыплются с неба на землю, я все равно не поверю ни единому дурному слову о нем. Не хочешь помочь — отпусти, но не держи меня здесь. Я отправлюсь

его спасти, даже если мне придется штурмовать Изенгард в одиночку!

— Ты горячий и глупый, — с сожалением заметила Галадриэль. — Теоден правильно делает, что не доверяет тебе. Гэндальф вертит тобой, как захочет. Твоя борода уже начинает сесть, но страдания и годы ничему тебя не научили. Я без сожаления расстанусь с тобой, однако мне страшно даже подумать, каких глупостей ты можешь еще натворить, если дать тебе волю.

Его стражники, которых королева назвала Халдир и Румиль, отвели его вниз. Он почувствовал себя намного легче, когда оказался на твердой почве, не качающейся под ногами. Его как следует накормили, угостили отличным элем и подарили эльфийский плащ, делающий путника незаметным среди деревьев.

ЗЕРКАЛО ГАЛАДРИЭЛИ

На ночь его устроили в небольшой пещере, образованной исполинскими корнями маллорна. Тут журчал чистый источник: откуда-то из глубины, из-под корней, вытекала вода и струилась вниз по холму, к небольшой ложине, где видна была каменная площадка с изваяниями. Можно было разглядеть там виднелась большую мраморную чашу, в которой отражалось голубое небо.

— Не это ли знаменитое зеркало Галадриэли, в котором видны прошлое и будущее всех миров Средиземья? — спросил он у Халдира, однако его страж был молчалив и не вступал в разговоры.

Грима с наслаждением стянул с себя влажную одежду и развесил ее на ветвях. Закутавшись в теплый шерстяной плащ, он до полуночи слушал музыку эльфов, которые играли на арфах и пели дивными голосами песни на непонятном ему языке.

Когда певцы утомонились, он осторожно выглянул из-за корней, убедился, что вокруг никто не шевелится, и выбрался из пещеры. Дождь давно уже кончился, и тучи рассеялись. Ночь была ясной, ярко светила луна, однако ее призрачные лучи едва пробивались сквозь густые кроны маллорнов. Воровато озираясь по сторонам, он двинулся по едва заметной тропе.

Лес вокруг шумел тысячью голосов. Казалось, что деревья тоже уснули, но во сне они шевелили ветвями, скрипели и жаловались на старость. То и дело начинали кричать неви-

димые птицы — их голоса пугали его, и он еще больше прятался в темноте.

Наконец, он достиг склона холма. Нащупать тропинку в потемках было совсем невозможно. Он поскользнулся и покатился вниз, поднимая вокруг целый ворох жухлых листьев. Пару раз он ударился о стволы, попавшиеся по пути, пару раз запутался в корневищах, но вскоре оказался у ровного подножия, где можно было стоять на ногах.

Призрачное сияние освещало поляну. На ней высилась плоская платформа из обтесанного куска скалы, а сверху стояла большая чаша из белого мрамора, наполненная водой. Журчал маленький ручеек, стекающий с холма. Рядом с чашей стоял серебряный кувшин. Грима повертел его в руках, звякнул о краешек мрамора и по чистому звуку убедился, что держит в руках действительно серебро. Кувшин был довольно тяжелым и мог дорого стоить, так что очень хотелось его стащить. Но Грима с сожалением поставил его обратно, прошептал:

— Эльфийское серебро! Жаль, но сейчас мне не до тебя!

Неожиданно ночную тьму прорезало серебристое сияние. На поляну вышла Галадриэль в просторном платье со свисающими рукавами. Ее мягкие золотые волосы были охвачены венцом из митрила, от которого и исходило сияние. Тихо ступая, она приблизилась и заглянула ему в глаза.

«Ты и сам нашел путь к моему зеркалу, Грима!» — прозвучали у него в голове слова.

Он удивился, потому что губы владычицы леса оставались сомкнуты. Точно так же шумел ночной лес: легкий ветер раскачивал ветви деревьев, голосили птицы, скрипели сухие сучья. Уши не слышали ни музыки, ни голосов. Да и голос самой Галадриэли раздавался не в ушах, а прямо в его сознании.

«Возьми кувшин! — приказала она. — Наполни его водой из ручья!»

Он подчинился.

«Лей воду в чашу!»

Он склонился над мраморной чашей. Вода в ней колыхалась. Призрачный месяц отражался в ее глубине, как будто был спрятан на самом дне, а поверху плавали, как кораблики, листья маллорна, сорванные ветром. Он плеснул из кувшина водой. По поверхности пошла рябь, призрачный месяц на дне задрожал, как будто собирался спрятаться от чужих глаз. Он принялся лить еще и еще, пока тяжелый кувшин в его руках не оказался пуст.

«Смотри в глубину!» — велел голос владычицы.

Он принялся вглядываться в темную воду, пронизанную серебряными лучами. Тени на дне рассеивались и сгущались, образуя причудливые узоры. Свет начал собираться в снопы, отражение месяца пропало, и на его месте он увидел заволаживающую картину. Где-то далеко, в неведомых краях, вывышался над равниной Белый Город. Над его высокими башнями цвело волшебное дерево, на вершине которого сидела вещая птица. Картина заколыхалась и помутнела. Он увидел темный горный хребет, и в ночной мгле перед взором встала могучая скала, вид которой навевал страх. У подножия горы высветился замок с гранитными стенами. Взор его пролетел сквозь ворота и углубился в земные недра, и там, в дальних пещерах, он увидел алтарь, а над ним — яркий светящийся камень, согревающий подземное царство, в котором мелькали тени его обитателей.

«Что ты видишь?» — спросил его голос Галадриэли.

— Ух ты! — во все горло выкрикнул он. — Вот это да! Вижу...

— Тихо! Не буди спящих! — прошептала владычица.

Он услышал ее шепот ушами, и понял, что отвечать должен разумом, а не языком.

«Вижу неведомые края! Вижу дальние страны и чудесные города!» — мысленно произнес он.

«Смотри в будущее! Смотри, что случится!» — велел голос в его голове.

Он увидел огромную мрачную крепость, к которой стекались войска. Увидел легионы людей в крепких доспехах и отряды злых орков с кривыми мечами. Увидел равнину, на которой сходятся два строя, и услышал звук лютой сечи и яростные крики погибающих. Лилась кровь, и войска истребляли друг друга. Он увидел, как рушатся башни и погибают волшебные города. Увидел могилы великих царей и короны их царств, ставшие ненужными и лежащие на их надгробиях. Увидел руины дворцов, заметенных опавшей листвой, и памятники забытым владыкам древности.

«Что ты видишь?» — спросил голос владычицы.

«Вижу разрушенное Средиземье! — беззвучно ответил он. — Вижу гибель и запустение. Вижу большую войну, тысячи павших, и безымянных героев, о которых не сохранилось и памяти. Вижу, как уходят из гавани корабли и направляются за море, а на кораблях — волшебные существа в серебристых венцах. Что было чудесным — то стало обычным. Сокровища стали прахом, волшебство превратилось в легенду. Нет больше великих владык и их царств, нет эльфов и гномов, нет волхвов и их чар, и нет даже хоббитов с их забавными норами. На их месте — унылые пастбища и посевы. Нищие селяне гоняют тощий скот и пересекают плугом земную плоть, изредка находя старинные клады и дивясь чудесам, которых в их времена не осталось. Все стало таким, как будто не было никогда ни волшебства, ни дивных народов, ни волшебников и героев. Все стало бедным, обыкновенным, унылым...»

«Так вот что ожидает наш мир! — прозвучал в его сознании голос, говорящий как будто сам с собой. — Гэндальф задумал великое зло — он хочет разрушить чары, на которых стоит Средиземье. Его посланец уже вышел с кольцом, чтобы утопить его в раскаленной лаве и положить конец нашему миру в том виде, в каком мы его знаем. Придет конец царствам эльфов и гномов, не будет ни Лориэна, ни Мории, ни Эребора, и даже Фангорн с его вечными энтами уйдет

в прошлое. Их места займут люди, но станут ли они счастливые, если нас всех тут уже не будет?»

Грима безмолвно смотрел на Галадриэль. Ее голубые глаза были темными, и лишь мягкое сияние ее венца заставляло их играть волшебными искорками.

«Что же нам делать?» — спросил он.

«Каждый из нас будет делать то, что велит ему долг».

«Мне нужно твое кольцо, Нэнья...»

«Я не могу отдать его тебе. Мне не позволят этого ни мой супруг, ни мои подданные. Но если ты знаешь, в чем твой долг, то действуй, не спрашивая...»

Он кивнул головой и бросился прочь. Карабкаться по крутым склонам холма было трудно, но он одолел их на одном дыхании. Ночная тьма уже начинала рассеиваться, ей на смену пришли темно-синие сумерки. На небе ярко засияла Утренняя звезда.

Таясь от случайных глаз, он взобрался вверх по лестнице, обвивающей маллорн, и достиг верхних площадок. Дворец Келеборна, владыки Лориэна, никто не охранял — враги не могли появиться тут незамеченными. Перескакивая с площадки на площадку, Грима пробежал через анфиладу залов и оказался в опочивальне, где на широкой постели под балдахинном спал сам Келеборн. Место его супруги, Галадриэли, рядом с ним было пусто, но на деревянном столике около постели стоял ларец.

Грима схватил его в руки. Келеборн заворочался. Не обращая на него внимания, Грима вытряхнул из ларца бархатную подушечку, на которой покоилось кольцо, чуть сияющее в синей мгле. Келеборн открыл глаза, удивленно сел на постели и уставился на него. Он был в прозрачной пижаме и ночном колпаке с помпушкой на ниточке.

— Эй, ты чего тут делаешь? А ну, положи на место! — в полный голос сказал повелитель леса.

— Извини, владыка, но эта штучка мне очень нужна! — возразил ему Грима. — Я ее постараюсь вернуть, но сначала

попользуюсь.

Кольцо показалось ему слишком узким, но стоило поднести его к пальцу, как оно само проскочило и село, как влитое. Мир вокруг него преобразился. Сумеречная мгла рассеялась, все пространство вокруг окрасилось ровным, непонятно откуда льющим светом. Он ясно увидел тропу у подножия Древа, ведущую к выходу из Лориэна.

Он бросился вниз по ступеням, но тут же заметил, как сверху вдогонку несутся Халдир и Румиль. Не помня себя, он прыгнул, стараясь даже не смотреть, с какой высоты придется лететь. До земли было довольно далеко, но он упал мягко, как будто его опустили на руках.

— Эй, где ты? Куда ты пропал? — гремел позади голос лесного владыки.

А он уже мчался во весь дух к краю леса, не обращая внимания на переполох, поднимающийся вокруг. Эльфы просыпались, выскакивали из своих «флэтов» и бросались в погоню, но поскольку они не видели беглеца, то только бестолково носились взад и вперед, спрашивая друг у друга, кто что заметил.

Он бежал в сторону Андуина, надеясь найти лодку и спуститься вниз по течению, однако вскоре услышал гулкий топот копыт. Этот топот был далеко, и слышал он его не ушами — ему помогало почуять приближение Черного всадника кольцо, охватившее его палец. Всадник, видимо, тоже почувствовал, что это старинное эльфийское сокровище покинуло Лориэн и обрело нового хозяина. Он уверенно приближался, и как ни петлял Грима между холмов, как ни прятался в прибрежных низинах — звон подков звучал в его голове все ближе и ближе.

Он был уже у кромки воды, когда Черный всадник показался на другом берегу. Он казался могучим и страшным. Его вороной конь был таким сильным, что мог вынести, казалось, целую гору. Сам всадник был закутан в накидку, под которой едва угадывались очертания тела. Капюшон, набро-

шенный на его лицо, поворачивался то в одну сторону, то в другую, разыскивая жертву. Огромный меч, притороченный к седельной сумке, торчал из ножен.

Грима попытался взглянуть на его лицо, но заглянув под капюшон, увидел там лишь холод и тьму. Он ужаснулся, по его телу пробежала жуткая дрожь, а дыхание перехватило. Стараясь спрятаться, он полез в камыши, но всадник на том берегу уверенно повернул коня в его сторону и начал спускаться с обрыва. Как назло, камышовые заросли были перерожены рыбачьими сетями, отчего сквозь них трудно было пролезть.

Совсем потеряв голову от страха, Грима свалился в воду и намочил свой дорогой камзол. В сапогах тут же противно забулькала жижа. Он панически забарахтался, пытаясь выбраться на сушу, и, даже не поворачиваясь, услышал, как всадник въезжает в реку, рассекая волнистые струи.

Назгул уверенно вел своего коня на зов кольца. Ему не нужно было видеть противника — он чуял его присутствие и точно знал, куда нужно править. Пересечь глубокий Андуйн вдаль от переправ и бродов было делом непростым, и ему пришлось замешкаться. Когда он выбрался на противоположный берег, болотистый и пологий, яркое солнце катилось уже к полудню. Оно бросало свои жгучие лучи под приятную тьму капюшона и палило нещадно, так что приходилось кутаться, чтобы не обжечься. Хорошо, что осенняя пора притупила его силы, и можно было не дожидаться ночи, чтобы продолжить преследование.

Изгнанник с кольцом, видимо, то ли утонул, то ли завяз в болоте. Он не двигался и едва шевелился. «Что же он не бежит? — думал назгул, направляя к нему отфыркивающегося скакуна. — Все живые впадают в ужас, едва завидев меня. Или он уже ничего не чувствует? Или так верит в защитные чары кольца?»

Зов кольца ясно давал ему знать, где искать. Вскоре под этими жуткими солнечными лучами показался и плащ, укра-

шенный ненавистными эльфийскими рунами. Он колыхался в зарослях камышей, и слабое речное течение трепало его края. Кольцо Древесной Ведьмы было рядом — он чуял это нутром.

Ему пришлось соскочить с седла, чтобы пошарить рукой в камышах. Он выхватил меч из ножен и яростно ткнул им темно-зеленую шерсть с вышитым белым листом, но лезвие из митрила слишком легко прошло его насквозь, не встретив преграды. Он схватил эту накидку, набухшую от речной грязи, и сгреб ее в охапку. Под ней никого не оказалось. Поблизости не было тела врага — ни живого, ни мертвого.

«Утонул, что ли?» — подумал назгул, засовывая меч в ножны, а те — в седельную суму. Впрочем, ему было все равно: кольцо оставалось тут, и он это чувствовал. Нужно было только найти его в этих ужасно мешающих, мокрых, колышущихся камышах.

Он подтолкнул коня к берегу, чтобы тот не мучил и без того илистую воду. Эльфийское кольцо нашлось быстро: оно было надето на высокий коричневый колос, торчащий из воды на сухом стебельке. Шумный ветер мягко отклонял его в сторону, так что ему пришлось приложить немало усилий, чтобы дотянуться и поймать его. Но едва он сломал стебель и прямо так, с камышом, потянул кольцо к себе, как вдруг почувствовал, что ноги его запутываются в чем-то вязком.

Он с грохотом плюхнулся в воду, подняв тучу брызг. Камыш выскочил из его рук, и течение понесло его вниз. Попытавшись подняться, он обнаружил, что ноги его спутаны полуприропленной рыбацкой сетью, едва заметной в мутной заводи. Сеть оказалась расставлена так ловко, что выпутаться из нее не удавалось, и чем больше он барахтался, тем больше наматывал ее на себя.

А Грима, дрожащий от холода и от страха, без накидки, в одном мокром камзоле, выскочил из прибрежных кустов, подхватил плывущий камыш с надетым на его головку коль-

цом, и без оглядки бросился прочь. Как ни хотелось ему побыстрее смыться от этого ужасного демона, но, преодолев в себе одуряющий ужас, он бросился к вороному коню, мирно пощипывающему траву, мигом вскочил в седло и ударил пятками по его бокам.

Вопреки его страхам, конь послушался и побрел вперед. Грима осмелился и взял в руки повод. По ноге его, болтающейся в слишком просторном стремях, что-то било. Он пошарил рукой и нащупал огромный меч в кожаных ножнах. Думая больше о защите, чем о нападении, он вытащил его из ножен, и под неяркими лучами осеннего солнца сверкнула надпись ангмарскими рунами.

— Вот это да! Это Нордсворд, Меч Севера! — вскричал Грима, сразу почувствовавший себя славным воителем. — Неужели я запутал самого Ангмарского короля-чародея?

Ему сделалось дурно при мысли, что у него за спиной в этот миг пытается высвободиться из самодельной ловушки сам легендарный владыка назгулов. Он изо всех сил натянул узду и захлопал по бокам коня хлюпающими сапогами, чтобы как можно быстрее убраться от этого страшного места и никогда больше не вспоминать о том, что видел ангмарского призрака так близко.

До Изенгарда было неблизко, но конь назгула нес его лихо, как ветер. Он проскакал через поле Келебранта, перескочил через речку Лимлайт и оставил позади зачарованный лес Фангорн. Мелькали под копытами скакуна равнины Волда, а когда вороной, фыркая, влетел в воды Энтавы, то стало ясно, что впереди уже Вестемнет.

Никогда еще Грима не передвигался так быстро. Ему самому становилось весело от этой бешеной скачки, которая, однако, давалась всаднику на удивление легко. Его почти не трясло, и ему даже не приходилось вставать в стремях, когда конь пролетал над ущельями и холмами.

День клонился к закату, когда впереди показались

Туманные горы. У реки Изен он сам придержал коня, чтобы осмотреть поле, на котором недавно произошла столь несчастливая для него битва. Однако, вопреки ожиданиям, он не увидел распростертых на равнине тел, изъеденных стервятниками. Ни одного павшего не было видно вокруг, и даже покоруженные доспехи и наконечники стрел были тщательно собраны.

За горой Дол-Бран, сплошь поросшей вереском, он наткнулся на свежий курган со следами погребального кострища. В вершину его было воткнуто древко с зеленым знаменем, на котором развевалось изображение белой лошади. По-видимому, урукхай оказались не такими зверьми, какими их представлял Гэндальф в рассказах-страшилках: они не только похоронили павших под могильным курганом, но и провели погребальный обряд по роханскому обычаю, чтобы погибшие смогли попасть в Белый Чертог Илуватара.

У Гримы даже слеза навернулась: он вспомнил свою семью, свою жену и детей, которых унесло моровое поветрие, и над могилами которых точно так же росли цветы скорби. А он который год уже жил бобылем, не решаясь привести в свой дом новую хозяйку, потому что она не смогла бы заменить ему той, которую он не мог забыть...

Но высокие скалы, сквозь которые лежал вход в долину Нан Курунир, были уже перед ним. На этот раз долина не охранялась: сделав свое дело, урукхайское войско ушло. «Откуда же, черти, вы знали, что мы приближаемся? — вслух пробормотал Грима, опасливо озираясь на скалы. — Ведь вы поджидали нас, а для этого нужно время».

Но рассуждать было некогда, и он снова тронул поводья. Сразу же за скалами ухабистая проселочная дорога превратилась в ровную мостовую, выложенную узорной каменной плиткой. По обе стороны от дороги тянулись каналы со свежей водой. За ними вставали густые сады, в которых зрели яблоки, груши и сливы. Сезон сбора был в самом разгаре, и ему начали попадаться на глаза местные жители,

занятые мирным сельским трудом.

Чтобы его не заметили, он снова надел кольцо Галадриэли. Солнечный вечер вокруг него померк и превратился в беззвучную серую мглу, но теперь его не было видно, и он это чувствовал. Здесь, во владениях Сарумана, не сновали варги, не властвовали хищники. Здесь не водились разбойники, боящиеся урукхайских воинов больше всего на свете. Насколько хватало глаз, простирались поля с колосющимся урожаем. Переселившиеся сюда дунландцы серпами резали рожь, а их бабы со смехом и песнями убирали их в большие снопы. Изредка попадались и урукхай: их можно было узнать по черным плащам с серебристой ладонью, вышитой на спине. Они были без оружия и доспехов, и казались вполне миролюбивыми.

Проезжая мимо этой спокойной картины, Грима думал: «Так вот что они защищали от нас! И мы все это хотели нарушить! Мы шли сюда, как захватчики, а у них тут эти неспешные земледельцы со своими бабами и детьми, поля и сады, рожь и капуста с морковью... Надо признать, что любой на их месте встал бы стеной перед конной ордой рохирримов...»

Открытие было не из приятных: выходило, что противник, столь коварно спровоцировавший обострение, вроде как прав, а мы нет. Но во время войны противник не может быть правым. Какой ни была бы правда, враг всегда виноват. Правы — мы. Враг плохой, мы — хорошие, враг злой, мы — не то, чтобы добрые, но уж точно не злые. И так будет до тех пор, пока не окончится война, а кончиться она может только одним — нашей полной победой. А пока нет победы, то нечего и рассуждать.

На пути возник массивный монумент из черного мрамора. Поверх гладкой сверкающей плитки была выложена надпись: «Друзей приветствуем, врагов остерегаем». На постаменте возвышалось изваяние раскрытой ладони. Ее кончики пальцев золотились в лучах солнца, прячущегося за отроги гор.

«Пока вы прячете Гэндальфа, я вам точно не друг! — про-
бормотал себе под нос Грима. — Однако и остерегать меня
излишне, я и так настороже».

ИЗЕНГАРД

Крепость Изенгарда представляла собой кольцо каменных стен, вытесанных из утесов. Попастъ в крепость можно было только через огромные ворота под массивной башней. Железные створы казались неприступными, однако стоило Грима подъехать и ударить по ним кулаком, как они разъехались в стороны, как будто были легкими, как пушинки.

За воротами простирался холодный мрак длинного туннеля. С недавних пор Грима начал сильно недолюбливать темноту, но деваться было некуда, и он направил коня в проход под высокой аркой. В дальнем конце туннеля виднелся светлый проем выхода. Там стояли караулки, в которых сидели сторожевые.

Черный конь настороженно шагал под тяжелыми сводами. Цокот его копыт гулко отдавался от стен, и Грима сжался, подумав, что уже по одному этому эху его смогут заметить. Он чувствовал себя потерянным: отсюда некуда было бежать в случае угрозы.

За спиной его послышался лязг. Огромные ворота с шумом захлопывались. Лучи яркого солнца, врывающиеся в туннель, померкли. Грима испуганно остановился и попытался развернуть коня, но в узкую щель, оставшуюся от полуприкрытых ворот, начали вбегать вооруженные урукхай и строиться в боевой порядок. Они перекрыли проход от стены до стены, загородились щитами и выставили вперед копыя.

«Как они меня обнаружили? — холодея, подумал он. —

Неужели по звукам? Ведь я же невидим!»

Он стукнул коня пятками по бокам и припустил вперед, но и там светлое пространство выхода уже перекрывал строй воинов. Ими командовал давешний капитан, что вел его на веревке из Дунланда. Он снова был одет в бархатный плащ с золотистой ладонью у сердца, но через все лицо его шел неровный багровый рубец, оставленный орлиным когтем.

По его команде строй двинулся вперед. В руках у рядовых были зажженные факелы, которыми они освещали темные своды. Сзади, от ворот, начиналось такое же движение. С обеих сторон его сжимали плотные ряды воинов, и деться от них было некуда.

Грима метнулся вперед, но увидев перед собой ошетилившийся копьями ряд, резко остановил коня и помчался назад. Но и там его встретил такой же плотный ряд копий, вытянувшийся от стены до стены. Урукхайский капитан с орлиным рубцом подал команду, и его подчиненные растянули сеть с большими ячейками.

«Они не видят меня! — мелькнуло у Грима. — Собираются ловить сетью все, что попадет на пути!»

Он был в полной панике. На тяжелых, давящих сводах плясали отблески огней. Тени урукхаев с сетями казались огромными, они надвигались на него с двух концов. Он снова помчался обратно ко входу, разгоняя коня. «Перескочу!» — решил он. Но скакун, увидев перед собой острые копыя, заупрямился и заупирался.

До урукхаев оставался всего десяток шагов. Придя в отчаяние от страха, Грима стянул с пальца кольцо и появился у всех на виду. В пляшущих отблесках пламени он казался черным демоном, оседлавшим бесовскую тварь. Урукхай заметили его и остановились. Капитан Драш уловил замешательство своих подчиненных, вышел вперед и резко выкрикнул:

— Чего вы боитесь? Это не назгул! Это роханский прохо-

димец!

Однако рядовые не решались наброситься на призрак, только что явившегося из ниоткуда. Грима тотчас заметил их страх, раскинул в стороны руки и завыл страшным голосом, пугая их еще больше. Эхо и пляшущие тени на стенах усиливали зловещее впечатление.

— Да он просто паясничает! — выкрикнул капитан и набросил на него свой плащ, как на клетку с певчей птичкой, чтобы та замолчала.

Плащ обмотался вокруг его головы. Грима попытался сорвать его, но только запутался. Капитан воспользовался этим, подскочил и попробовал стянуть его с седла. Отбрыкиваясь, Грима наконец справился с бархатной урукхайской накидкой, обмотал ей камзол, чтобы стать похожим на Черного всадника, и еще громче завыл:

— Я дикий назгул! Берегитесь меня! Всех затопчу!

В довершение всего он выхватил из седельной сумы меч назгула и поднял его в руках. Лезвие засияло багровым блеском. Строй рядовых урукхаев попятился. Даже их капитан в нерешительности замер. Холодея, Грима направил коня прямо на него и изо всех сил врезал пятками по бокам коня. Вороной скакун помчался вперед, набирая ход. Плотный строй урукхаев распался. Воины подались в стороны и вырвали из рук сеть. Она упала в песок. А Грима несся вперед и гулко выл:

— Со мной сила кольца! Сейчас всех замордую!

Эхо утраивало его вой, отражаясь от темных сводов. Конь перескочил через сеть и вырвался на свободу. Грима едва удержался в седле, разжал ладони и выронил кольцо Галадриэли. Оно свалилось и затерялось в песке. А вороной скакун уже нес его под открытым небом, у всех на виду.

Грима оказался внутри крепостных стен. Тут были мощные гладкие улицы, огороженные колоннами с цепями. Мимо садов и мастерских они сходились к центральной башне, уносившейся ввысь на пятьсот футов.

Это был Ортханк — легендарная нуменорская цитадель, сооруженная в незапамятные времена. Она была выстроена между четырех высочайших колонн, уносившихся в небо острыми зубцами. Ее стены были выложены плитками черного мрамора, настолько гладкими, что в них отражалось солнце. К узкой тяжелой двери, служившей единственным входом, вело высокое крыльцо из двадцати семи ступеней, широким полукругом охватывающих фасад. Стражи поблизости не было: вход в башню не охранялся, поскольку проникнуть в город ни один посторонний не смог бы.

Грима дал плеткой по крупу коню и заскочил на ступени. Железные подковы звонко зацокали по черному мрамору, но оставить следов они не могли: Ортханк был надежно защищен старинным нуменорским колдовством, которое предохраняло его от любого разрушения.

Грима спрыгнул с коня, выхватил Нордсворд, и, сжимая его в руках, бросился внутрь, прямо в зияющий темный проем распахнутой двери. Едва попав в темноту, меч засветился. С каждым шагом он разгорался все ярче, становясь похожим на полный месяц, ярко сияющий посреди ночного неба. Его свет был таким же загадочным и золотистым, он отбрасывал неясные блики на лицо Гримы, перекошенное от волнения, на его короткую холеную бородку и щетину на щеках, не бритых уже много дней.

Внутри башни оказалось довольно просторно. Вдоль стен вилась круглая лестница, уносившаяся ввысь. Он бросился наверх по крутым ступеням, таким же гладким и мраморным, как и все вокруг.

— Гэндальф, я здесь! Я пришел за тобой! Держись, я иду! — кричал он в полный голос.

Но никто не отзывался.

— Саруман, выходи! — орал он еще громче.

И снова не получал ни звука в ответ: лишь густая мгла вокруг становилась гуще. Он пробежал несколько этажей и порядком запыхался, но не встретил никого на пути. Оно

было и к лучшему: лестница была такой узкой и такой крутой, что даже один хорошо вооруженный воин смог бы удерживать целую толпу лезущих вверх.

Наконец, впереди мелькнул тусклый свет. Показалась светелка. Он проскочил ее на одном дыхании и оказался на балконе с высокими резными перилами. Балкон нависал над крыльцом. Отсюда было хорошо видно все, что творится в городе.

От башни во все стороны лучами расходились аллеи, отделанные гладкой плиткой. Они были огорожены высокими колоннами, между которыми были натянуты цепи. За ними цвели густые сады, в которых созревали яблоки и черешня. В густых кронах деревьев едва можно было разглядеть купола механических лифтов и шахт, ведущих в Подземный Город, чудо инженерной мысли, невиданное в Средиземье. Оттуда, из-под земли, доносились глухие удары и стоны, как будто стонало земное чрево. Там шла упорная работа: ковались орудия труда и войны, громыхали паровые молоты, скрипели лебедки и блоки, на которых опускались и поднимались грузы.

Но здесь, на поверхности, всей этой исполинской работы почти не было видно. Лишь изредка вырывалось в самом неожиданном месте облачко пара, поднималось в воздух и растворялось среди облаков, как будто его и не было. Случайно оказавшийся здесь гость лишь тер глаза и спрашивал себя, не почудилось ли ему это.

Однако у Гримы не было времени, чтобы дивиться на эти урукхайские чудеса. Он взглянул вверх и увидел, что черная башня тянулась вверх еще на многие сотни футов.

— Как же вы на нее забираетесь? — с досадой пробормотал он. — У вас что, ноги железные?

На лестнице у него за спиной послышался топот: судя по звукам, бежал добрый десяток урукхаев. Он узнал голос капитана Драша, который раздраженно подгонял рядовых. Не найдя Гримы наверху, урукхаи ломанулись обратно. Их

шаги — тяжелые, гулкие, отдающие эхом — трудно было спутать с чьими-то другими. Грима яростно зарычал и рванул им навстречу. Они столкнулись посреди пролета, между двумя этажами. На стенках вдруг замелькали тени, и на него кубарем скатился здоровенный боец в бархатном плаще с золотистой ладонью. Он топал своими огромными сапожками так, будто за ним гнался легион злобных бесов. Грима выставил ему навстречу сверкающий меч.

Едва увидав светящийся кончик клинка, урукхай взвизгнул неожиданно тонким голосом, остановился и оскалил клыки, выступающие из-под нижней губы. Сзади на него налетели бегущие сверху товарищи, толкнули его вперед и все вместе посыпались вниз. Они покатались по жестким ступеням, как спутанный клубок. Грима подскочил, чтобы не увязнуть в этом кишасщем ворохе тел и доспехов, и прижался спиной к стене, но сверху сыпались все новые и новые силуэты, и ему пришлось поставить ногу прямо на них.

Снизу снова донесся визг, кто-то попытался ударить его, кто-то свалить, но не обращая на лежащих, ползущих, орущих противников никакого внимания, он начал пробираться вверх прямо по их телам, нещадно давя их, а то и ударяя по головам рукоятью меча. Ему удалось выбраться на свободное пространство. Кто-то попытался броситься за ним вслед, но он сунул во тьму светящимся Нордсвордом, и преследователь отстал.

Он пробежал этаж за этажом и вскоре так запыхался, что едва мог шевелиться. На его счастье, ему все чаще начали попадаться горницы с узенькими оконцами, похожими на тонкие щели для стрельбы. Они рассеивали по стенам тусклый свет, в котором виднелись очертания ларей, сундуков, поставцов и самой разнообразной дребедени, сваленной в этой доисторической башне с незапамятных времен. Ему пришлось сделать пару долгих передышек, прежде чем он попал в просторное и светлое помещение, в котором

широкие окна смотрели на все стороны света.

Сквозь западное оконце щедро лился алый солнечный свет. Дневное светило уже начинало прятаться за отрогами Туманных гор. Оно опускалось все ниже и ниже, однако его ярко-красный кружок еще виднелся над острыми вершинами, занесенными снегом. В зале было светло и тихо. Посреди него стоял мраморный столик на одной ножке. На столике в полукруглом углублении лежал на бархатной подушке большой черный шар.

Из него исходило загадочное свечение. Он искрился, то вспыхивал, то темнел, переливался всеми цветами радуги, а затем неожиданно потухал и вновь становился черным, как мраморные стены Ортханка.

За этим шаром, прямо напротив входа, он увидел лицо. Оно было старым, изборожденным морщинами. Долгополая шляпа с высоким колышком прикрывала темно-синие глаза, заглядывающие будто в самую душу. Бесформенная серая хламида была наброшена на опущенные плечи.

— Гэндальф! — заорал радостно Грима. — Учитель! Я пришел, чтобы спасти тебя! Что они с тобой сделали?

Старый колдун приложил палец к губам, и тут же указал ему на что-то, что находилось за его спиной. Грима обернулся. В дальнем конце зала, за круглым люком, через который проходила винтовая лестница, виднелись два силуэта. Они были так непохожи друг на друга, что становилось непонятно, как они вообще могли оказаться рядом. Один из них был коренастым, жилистым, мускулистым. Жесткое смуглое лицо с темными глазами, пересеченное рубцом от орлиного когтя, черные волосы, длинные руки, сжимающие короткий меч для ближнего боя. На груди — металлическая пластинка с личным гербом. Второй — высокий, седой, длинноволосый. И ослепительно белый: весь, от кончиков волос до края одежд цвета горных снегов. Глаза цвета серого льда пронзают насквозь, в руках — длинный посох с большим синим камнем в навершии.

— Саруман! — растерявшись от неожиданности, проговорил Грима.

— А кого еще ты ожидал встретить в Ортханке? — спросил белый волхв. — Я живу тут уже много веков. Еще не было ни тебя, ни твоих ранних предков, а конунги Рохана уже подарили мне этот город и эту башню в награду за услуги, которые я им много раз оказывал. Но ты, королевский советник, пришел не просить. Ты вломился, как грабитель, с оружием в руках. Что тебе нужно?

— Я пришел за своим наставником, Гэндальфом! — стараясь не показать невольного смущения, дерзко выкрикнул Грима. — Он был мудрым учителем и для меня, и для всего Средиземья. А теперь он тут, у тебя в плену, заперт в башне. Да я камня на камне от нее не оставлю, лишь бы спасти его!

— Каких горячих последователей умеет выбирать себе мой коллега, — усмехнулся Саруман. — Но ты не сможешь причинить вреда этой башне, для этого не хватит сил ни у тебя, ни у любого другого из обитателей Средиземья. Капитан Драш, отведи пленника на верхнюю площадку и присмотри за тем, чтобы его там не беспокоили.

Драш сделал шаг вперед, но Грима ткнул в его сторону острым клинком и взвопил:

— Предупреждаю, у меня Нордсворд! Он крошит доспехи, как щепки!

Однако урукхайский капитан оказался не робкого десятка. Он сделал ловкий прыжок в сторону и попытался нанести острый колющий удар. Его меч был слишком коротким, и он не дотянулся. Грима воспользовался этим и атаковал в ответ. Нордсворд легко держался в его руке, и, казалось, сам взлетал и с шумом разрезал воздух. Однако противника не так просто было застать. Он уворачивался с необыкновенной ловкостью и проявлял в фехтовании изрядное мастерство. Сразу стало ясно, что он искуснее и ловчее немолодого советника из Медусельда. Гриму продолжал спасать только меч, запылавший в лучах заходящего солнца алым пламе-

нем. Дождавшись очередного выпада противника, он парировал и нанес ответный удар. Острый кончик клинка рассек смуглое лицо рядом со шрамом, оставленным орлом.

Урукхай дико завыл, по его коже потекли струйки крови. Но отступить он даже не думал. Вместо этого он еще яростнее принялся насаждать на Гриму, прижал его к стенке и готов был, казалось, разделать его на кусочки, но Саруман резко окликнул его:

— Драш, не забудь о приказе!

Капитан опомнился, схватил Гэндальфа за край серой хламиды и грубо потащил вверх по лестнице, к площадке, с которой открывался вид на долину Нан Курунир. Грима, решивший было, что ему наступает конец, лишь проводил его взглядом. Он остался с волхвом один на один.

— Опусти меч, — спокойно сказал ему Саруман. — Ты же не будешь драться с одиноким немощным стариком.

— Знаю я, какой ты старик, — дерзко выкрикнул Грима. — Твой посох — оружие посильнее камнемета.

— Вот именно, — подтвердил волхв. — Мне все равно, с мечом ты или без. Я в любой миг могу спалить тебя пламенем. Но я хочу просто поговорить.

Голос его был ровным и мягким. В нем слышалась такая сила убеждения, что Грима не решился возражать. Он опустил кончик меча к полу, подумал немного и убрал его в ножны. Ему даже стало неловко, что он угрожал этому мудрому старцу.

— Подойди к столу! — велел голос.

Это был не приказ, а всего лишь вежливая просьба. Однако она показалась такой убедительной, что послушаться было никак невозможно.

— Возьми в руки шар!

Грима бережно приподнял над мягкой подушечкой черную сферу. Она была тяжелой, но держать ее было так приятно, что он тут же забыл о гневе, еще минуту назад сжигавшем его. Шар вспыхнул и запылал всеми цветами раду-

ги. Стены зала начали переливаться ярко-синими, зелеными, золотистыми сполохами, которые смешивались с лучами закатного солнца.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил Саруман.

— Нет, — зачарованно проговорил королевский советник.

— Это палантир. Одно из бесценных сокровищ, доставшихся нам в наследство от предков. В него можно увидеть все миры Средиземья и узнать, что в них происходит. Хочешь узнать, что творится у тебя дома?

— Мой дом пуст. Жены и детей больше нет, над могилами их поднялись цветки скорби.

— Я печалюсь вместе с тобой. Но моровое поветрие обошло тебя стороной. Очевидно, твой путь на земле еще не окончен. Ты еще многое можешь сделать. Посмотри, что творится на востоке.

— В Мордоре? — ужаснулся Грима. — В этой вотчине орков и всякой нечисти? В Барад-Дуре, где засел Саурон?

Волхв от души расхохотался.

— Кто напелл тебе эту чушь? — спросил он. — Впрочем, можешь не отвечать. Это Гэнди уже тысячу лет ноет в уши о тени могущественного Саурона, якобы вернувшегося в Средиземье в виде бесплотного духа. Ну, мы-то знаем цену этому вранью. Стоит ему завести эту песенку, как его тут же поднимают на смех и Элронд, и Келеборн с Галадриэлью, и даже Трандуил, не вылезаящий из своей глухомани. А что взять с роханских простачков? Они готовы поверить любому фокуснику, в шляпе которого появится кролик.

Грима слушал его слова с явным недоверием на лице.

— Посмотри в шар! — велел волхв. — Убедись сам, что правда может быть совсем другой — не такой, как тебе говорили!

Грима взглянул на гладкую поверхность тяжелого шара и не смог оторваться. В его глубине мелькали чудесные картины. То проходили маммуки с огромными бивнями, то

шли колонны восточных народов в экзотических доспехах, с кривыми саблями за широкими поясами.

— Знаешь, кто это? — говорил Саруман. — Это такие же люди, как ты. Они хотят одного: чтобы их оставили в покое и позволили жить по своему разумению. Они не хотят, чтобы Запад вторгался в их дом. Они не верят ни в Гэндальфа, ни в его колдовство. Они не согласны с тем, чтобы он свергал королей по своей прихоти, и вешал короны на самозванцев и пьяниц. И за это ты осуждаешь их?

— А как же Саурон? — облизнув пересохшие губы, спросил Грима.

— Саурон — это миф, — уверенно вымолвил волхв. — Это не существо, это идея, вокруг которой объединяются разрозненные повстанцы. Никто, кроме Саурона, не смог бы остановить зарвавшегося колдуна. Но его нет, поэтому сделать это придется нам.

— Я не верю тебе! — яростно выкрикнул Грима. — Ты врешь! Я знаю Гэндальфа с детства, он — великий и мудрый!

— Я тоже знаю Гэндальфа с детства, — печально проговорил Саруман. — Правда, детство у нас с тобой было разное, и времени с него прошло больше, чем ты можешь себе представить. Олорин раньше не был таким.

Саруман задумался, как будто вспоминая то, что было когда-то давно. Грима припомнил, что и раньше встречал имя «Олорин», и догадался, что его наставника звали так в юности.

— Я не знаю, когда он начал меняться, — продолжал волхв. — Жизнь на земле меняет даже бессмертных. Для нас день — что твой век. Мы и глазом моргнуть не успели, как он превратился в развратного сластолюбца, всюду таскающего за собой этих молоденьких фаворитов из Шира. А два месяца назад он явился ко мне в Ортханк и заявил, что готовил свой приход к власти с самого первого дня. Прежде у него не было шансов, но все изменилось, когда в его руки попало кольцо всевластия. Сам он не может им воспользоваться, поэтому

он задумал его уничтожить. Мне он выставил ультиматум: либо присоединиться к нему, поддержать его безумные притязания и выдать ему палантир, либо отправиться в изгнание, далеко на восток, и сгинуть там без вести. Но я не могу бросить землю, порученную мне владыкой Аулэ. Я обязан защитить Средиземье и его народы. Поэтому я и запер Гэндальфа на вершине Ортханка, надеясь, что свежий воздух выветрит из него блажь. Я еще надеюсь его вернуть! Помогите мне! Он ценит тебя больше, чем любого другого из своих приближенных!

— Твой язык — как змеиное жало! Ты порочишь великого мага! — выкрикнул Грима.

Однако голос его неуверенно дрогнул.

— Тогда посмотри в палантир! — властно велел ему волхв. — Как далеко друг от друга Мордор и Рохан, Лихолесье и Шир, Ангмар и Гондор. Плещутся волны в Великом море, но их плеск не доносится до моря Рун. Гномы Эребора так далеки от Эред Нимраис, а жители Линдона никогда не видели Андуина. Все они живут в своих маленьких мирах, куда не позволено вторгаться чужакам. Эти миры не могут перемешаться, иначе налаженная жизнь в них рухнет. Олорин один бродил по ним, не зная покоя и не давая покоя другим. Когда у него созрел замысел перемешать эту колоду?

В палантире мелькали картинки, которые приводили Гриму в смятение. Огромная огненная гора извергала потоки лавы и затопляла равнину. Толпы людей неслись прочь. Матери поднимали детей на руках, пытаясь спасти их. Древесные великаны перегораживали реку плотиной. Громадные волны обрушивались на Подземный город, не давая выбраться людям, запертым на нижних этажах. Гигантские орлы бились с драконами в небе, истребляя друг друга. И уходили за море корабли, увозя всех, кому в Средиземье больше не было места.

— Рохан нельзя смешать ни с каким другим царством, — ошеломленно проговорил Грима. — Наши люди пасут лоша-

дей и растят урожай. Они не умеют жить по-другому.

— А мой бывший друг Олорин затеял войну, в которой ты, помимо своей воли, выступил его пешкой, — настаивал Белый маг. — Война разрушит границы миров. Народы, никогда прежде не видевшие друг друга, столкнутся и вздыбятся. Рухнут чары, поддерживающие Средиземье. Да, я знаю это наверняка! Любимчик Гэндальфа уже вышел из Шира с великим злом на душе. Он несет кольцо, в котором заключена магия древних. С ним идут бродячий разбойник Арагорн, изгой Гимли, поднявший мятеж против законного короля лангобардов, и эльф Леголас из Лихого Леса, сбежавший от отца ради сомнительных приключений. Они утопят кольцо в огне Роковой Горы, и мы потеряем наш мир. Я ясно вижу все это в палантире, как видел и твое появление в облике Черного всадника.

Советник растерянно молчал.

— Грима, каждый из нас должен решиться на выбор, — проникновенно продолжал Саруман. — Мы должны посмотреть правде в глаза и решить, на чьей стороне добро, а на чьей — зло. Теоден — вздорный, упертый старик, но он доблестный воин и по-своему неплохой человек. Он доверяет тебе, потому что не было случая, чтобы ты его подводил. Присоединяйся ко мне! Вместе мы остановим эту гибельную войну.

Грима нервно теребил рукоять своего меча. На лице его отражалось то недоумение, то сомнение. Наконец, взгляд его прояснился, он захохотал и сказал:

— Я понял, что только что произошло. Меня же предупреджали! Ты меня... как это по-рохански?.. окрутил! Да, окрутил! Твой голос — как ядовитая песня. Она проникает в сознание и мутит разум. Но мой разум — ясен, и тебе не удастся его замутить. Отдай мне свой посох, или я разрублю тебя напополам!

Он замахнулся мечом на волхва и вырвал из его рук длинный посох с синим блистающим камнем. Магический

шар он небрежно метнул на подушку в углублении столика.

Волхв печально смотрел на него, но не делал движений. Грима устремился наверх. Он вылетел на площадку неожиданно и набросился на капитана со спины, засунул лезвие меча ему за голову и надавил острием на горло. Урукхай не поддавался, он продолжал бороться и вырываться, но положение его было аховое. Гэндальф тут же пришел на помощь, схватил посох Сарумана, и изо всех сил заехал охраннику по лбу прямо сияющим синим камнем. Урукхай без чувств повалился на пол, в который издревле были вделаны магические руны.

— Давай сбросим его вниз со стены, — предложил Гэндальф. — По-моему, он тут не нужен.

— Зачем же? — пришел в замешательство Грима. — Я просто спущу его с лестницы.

Он подтащил обмякшее тело к распахнутому люку и затолкал его в проем. Капитан покатился по мраморным ступеням, его серебристая бляха с гербом жалобно звякала при каждом перекате.

— Я знал, что ты не бросишь меня в беде, — прочувствованно сказал Гэндальф, раскрывая ему навстречу свои объятия. — Я надеялся на тебя одного.

Грима обнял его, сжал в руках.

— Учитель, мне так много нужно тебе сказать! Я узнал, что нам нельзя начинать войну. Она приведет к крушению всего Средиземья. Оно навеки перестанет быть таким, каким мы его знали.

— Так и должно случиться, Грима. Чему бывать, того не миновать. Это судьба.

— Какая же это судьба, если все зависит от нашего решения? Мы можем все остановить, еще не поздно! Стоит нам заключить мир и остановить движение войск, стоит отозвать хоббита, который уже понес кольцо к Роковой горе — и все прекратится. Мир восстановится, Средиземье будет спасено.

Гэндальф рассердился, его темно-синие глаза полыхнули

искрами.

— Я хочу, чтобы кольцо исчезло! — непреклонно сказал он. — Хочу, чтобы мой ставленник Арагорн занял трон Гондора, а Гимли и Леголас основали бы свои королевства.

— Но Арагорн — самозванец, Гимли — мошенник, а Леголас — просто авантюрист! Как ты можешь доверять этим проходимцам?

— Они — мои верные последователи, такие же, как и ты, — возразил Гэндальф.

— Но я не хочу быть таким же, как они! — вскричал Грима. — Они — жалкие, злобные существа! Учитель, опомнись!

Гэндальф отстранился и издали взглянул на него. Его глаза были серыми и холодными.

— У меня есть высокая миссия, Грима. Я должен изгнать Саурона из Средиземья, — проговорил он.

— Но Саурона не существует! Это миф!

— Тем лучше. Этот миф играет мне на руку. Страх перед ним заставляет мелких конунгов и корольков подчиниться духовной власти. Власть духа выше власти монархов. Они этого не понимают, и нет другого пути заставить их повиноваться, кроме как запугать призраком врага.

— Но зачем это нужно?

— Как зачем? — жарко заговорил Гэндальф. — Ты посмотри, что творится на континенте! Всюду своеволие и самоуправство. Нечисть разгуливает на свободе так, что вольные народы нос боятся высунуть за пределы своих мирков. Нужно навести в Средиземье порядок. Нужны строгие правила. Нужно жестко подавить эту анархию и ввести единое управление. Мирские правители доказали, что они не способны на это, поэтому дело должна взять в свои руки власть духовная.

— Ты хочешь стать верховным повелителем? — с изумлением спросил Грима.

На лице его отразилось недоумение. Он казался растерянным. Впервые он видел Гэндальфа таким строгим

и властным.

— Я не могу быть верховным повелителем, — ответил тот, горделиво выпятив грудь. — Я — волхв, и не претендую на жалкие троны с их облезлой позолотой. Волхву повинуются, потому что веруют в его избранность, а не потому, что боятся его охраны.

— Ты хочешь стать божеством? — с отчаянием спросил Грима.

— Я и есть божество! — резко выкрикнул Гэндальф в ответ. — Я — майя, я родился таким и всегда таким был! Я бессмертен, и все смертные должны мне подчиниться! Горе тем, кто этого не понимает!

Грима ошеломленно молчал, глядя на Гэндальфа широко распахнутыми глазами.

— Ты, Грима, всегда был моим самым верным последователем, — продолжал Серый колдун. — Ты — мой первый апостол. Будь со мной в этой борьбе! Ты мне нужен! Я сделаю тебя могущественнее и богаче, чем любого из королей.

— Ты не тот Гэндальф, которого я знал. Тот был мудрым наставником. Он учил меня смирять буйство разума и эмоций, не желать лишнего, довольствоваться необходимым. Он учил меня внимательно относиться к людям и их нуждам, действовать на благо других больше, чем ради своей корысти. Как ты мог так перемениться?

— Я никогда не менялся, я всегда был таким. Ты видел лишь часть моего лица.

— Твое лицо почернело. Я не желаю иметь с тобой ничего общего. Ты разрушаешь все, во что я верил. Не смей больше являться в Эдорас! Покуда я королевский советник, тебе не будет прохода в Медусельд!

Взгляд Гэндальфа неожиданно потеплел, искры в его глазах потускнели и спрятались. Он приблизился к Гриму, ласково обнял его за плечи и чарующим голосом проговорил:

— Сейчас не время спорить, мой друг. Взгляни вниз: у подножия башни уже собрались урукхай. Они только

и ждут, что мы спустимся. Представь, что они нам устроят.

Грима подошел к краю башни и с опаской заглянул через край. С высоты в пятьсот футов земля казалась с овчинку. Маленькие черные точки, похожие на муравьев, суетливо грудились у ее подножия. Под слабым солнцем, выглядывающим из-за заснеженных вершин, сверкали железные доспехи и наконечники копий. Их было не меньше тысячи, и они стояли такой плотной гурьбой, что прорваться сквозь них нечего было и думать.

— Нет, нас просто так не возьмешь! — выкрикнул Грима.

Он стукнул посохом Сарумана по волховским рунам, которыми был отделан пол площадки. Большой синий камень в его наверхии вспыхнул завораживающим сиянием. Не прошло и нескольких минут, как из-за дальних туч показалась черная точка. Она стремительно приближалась, и вскоре можно было различить размашистые крылья и хищный клюв огромного орла.

— Орел Манвэ, царь-птица! — с удивлением воскликнул Гэндальф. — Как тебе удалось его вызвать?

— Это волшба Сарумана, — откликнулся Грима. — Учитель, садись! Орел отнесет тебя далеко в горы, там до тебя не доберутся.

— Но птица не вынесет нас двоих!

— Садись один! Я останусь!

Волхв не заставил себя долго упрашивать. Он мигом взобрался на спину гигантской птице, впился руками в перья и пригнулся всем телом к ее загривку.

— Только бы не слететь! — дрожащим голосом проворчал он. — Высотища тут страшная!

Грима хлопнул орла по шее. Тот расправил крылья, взмахнул ими, и поднялся в воздух. Было видно, что ему тяжело нести седока, но он справился и полетел на юг, к Белым горам Рохана. Замершие у подножия башни урукхай разразились дикими воплями, в которых слышались отчаяние и досада.

На лестнице, ведущей к площадке, слышался грохот тяжелых сапог. Судя по звукам, к нему поднимался целый отряд бойцов, с ног до головы закованных в боевые доспехи.

Грима огляделся вокруг. Всюду, сколько хватало глаз — воздух и бесконечный простор. Огромное красное солнце медленно прячется за склоны гор. Их заснеженные вершины залиты последними, слегка розоватыми лучами. Отсюда, со смотровой площадки, нет никакого пути, кроме лестницы, по которой уже приближается враг.

Он снова шагнул к краю, схватился руками за исполинские зубцы, которыми оканчивались столбы, и свесился вниз. Высота и в самом деле была головокружительной. Здесь, на вершине, все было совсем по-другому. Воздух казался особенно чистым и свежим. Порывы ветра — особенно сильными. Они трепали волосы и края камзола, они пытались подхватить тело и сдуть прочь, бросив куда-то в ослепительно-голубую бездну, дрожащую в лучах садящегося светила.

«Сейчас меня растерзают, — думал Грима, слушая грохот шагов, которые все приближались. — Они не простят мне того, что я сделал. Но это не важно, потому что Учитель спасен. Только верно ли я поступил? Ведь он так и не понял меня. Неужели он и в самом деле решил утопить магию Средиземья в расплавленной лаве? Ведь тогда мы лишимся своей уникальности. Наш мир станет обычным, таким же, как все. И ради чего? Чтобы повелевать королями? Чтобы быть над ними живым божеством? Неужели он вправду этого хочет? И что тогда делать мне?»

Шаги урукхаев приблизились. Он обернулся. Капитан Драш стоял у него за спиной с огромным мечом в руках и хищно скалился, выставляя напоказ желтые клыки, с которых стекала пена. Орлиный рубец на его лице кровоточил. Но он не обращал внимания на рану: в пылу борьбы урукхай забывает о боли. Подкрепление прибывало: все новые и новые бойцы появлялись на площадке и останавливались

за командиром, готовые броситься в атаку.

Грима отпустил руки, сжимавшие края зубцов. Его тело опрокинулось вниз и полетело мимо каменных стен с узкими стрельчатыми оконцами, мимо лепных статуй химер, развевающих пасти, и волшебных узоров из неведомых трав. В ушах свистел воздух, порывы ветра били в широко распахнутые глаза, но он даже не думал жмуриться. Он только глядел на то, как стремительно приближается земля с ее песочными дорожками, булыжными мостовыми и струящимися фонтанами. Он сложил руки вдоль тела, как сокол, бросающийся вниз за добычей.

И тут что-то случилось. Над его головой оглушительно хлопнули перепончатые крылья. Он почувствовал, что кто-то схватил его сверху за шкуру и рывком потащил, не давая упасть. Еще миг — и он оказался верхом на гигантской крылатой твари, позади развевающегося на ветру черного плаща с багровым оком. Назгул резко взмыл вверх и поплыл над землей. Брюхо летучей рептилии едва не касалось шлемов урукхаев, которые дико выли — то ли от удивления, то ли от восторга.

Летучий ящер плюхнулся в мокрый песок у фонтана на главной площади Изенгарда. Мраморные колонны с цепями были облеплены снагами — рабочими из Подземного города урукхаев. Они глазели вовсю и указывали на него руками. Но он видел перед собой только белого волхва: высокого, седовласого, взирающего на него такими глубокими, такими проникновенными глазами.

Назгул соскочил с летающей твари и протянул волхву посох. Он не мог говорить — лишь дышал тяжело, с шумом выбрасывая воздух откуда-то из-под темного капюшона.

— Благодарю тебя, король д'Ангмар, — мягко проговорил Саруман. — Мой посох не для новичков. В неумелых руках он становится слишком опасной игрушкой. А вот что делать с этим подарком, который ты доставил мне прямо с небес — ума не приложу.

Снаги вокруг от души расхохотались. Грима соскользнул с чешуйчатой змеиной кожи и грохнулся на колени, уткнувшись ладонями в мокрый песок. Он смотрел снизу вверх на Сарумана и не знал, что сказать. Мыслей в голове не было, он до сих пор не мог уловить, что случилось.

— Радуйся, ты добился, чего хотел, — сказал Саруман. — Опаснейший враг вырвался на свободу. Теперь остановить войну не удастся. Она перемешает миры, в которых волшебные существа жили в свое удовольствие, и сделает их дальнейшее существование невозможным. Им придется либо уплыть за Великое Море, либо тихо исчезнуть из памяти. А чары, на которых от сотворения Арды держалось Средиземье, будут разрушены. И все это благодаря злой воле одного корыстолюбца и его верных приспешников — таких же, как ты.

— Прости меня. Я не хотел! — растерянно пробормотал Грима. — Я думал совсем не о том.

— Ты вообще ни о чем не думал! — с печалью в голосе сказал Саруман. — Как не думали и все те, кто поспешил увязаться за Гэндальфом. Что теперь с вами делать? Не казнить же?

Урукхай замерли и умолкли. Саруман повернулся к безмолвному назгулу и проговорил:

— Отвези его домой. Кому он теперь нужен?

Всю ночь Грима сидел верхом на могучем вороном коне, уткнувшись лицом в плащ с багровым оком и охватив руками назгула, правившего уздой. Ладони его ощущали под плащом жесткий каркас, не похожий на обычное тело. То ли это были железные доспехи, то ли так ощущалась природа этого странного существа — трудно было сказать. Конь летел по холмистой равнине, едва касаясь копытами лунной тропы.

Эдорас показался вдали, когда первые лучи солнца упали на заснеженные вершины Белых гор. Золотая крыша Меду-

сельда сверкнула в глаза так ослепительно, что пришлось зажмуриться. Несмотря на ранний час, люди в столице уже не спали. Вокруг по полям бродили целые табуны отличных боевых лошадей, которых собирались раздать ополченцам. Пастухи щелкали бичами, собирая их в кучки и отгоняя ко входу в дворцовую крепость, у которой толпились вооруженные воины. Многие из них были в шлемах и кольчугах, другие принесли с собой только деревянные щиты и прошитые стеганки. Увидев Черного всадника, они пришли в ужас, заголосили и принялись разбегаться.

Стражу у ворот как ветром сдуло. Они проскочили в крепость и принялись взлетать по крутому холму к дворцу. Сонный Хама выбрался на крыльцо, потягиваясь и широко зевая. Он был в теплой ночнушке и колпаке, и сейчас, очевидно, собирался излить на дворе остатки выпитого вчерашним вечером пива.

Черный конь взбил копытами пыль прямо у него перед носом. Тот замер от неожиданности, побледнел и дрожащим голосом просипел:

— Стража! Государь! Нас, кажется, захватили!

Грима соскочил на землю, размял затекшие суставы и будничным тоном сказал:

— Хама, позови Теодена. Есть к нему разговорчик. И скажи этой дурной деревенщине у нас за спиной, чтобы перестали тыкать в нас копьями. А то ведут себя, как будто привидение ночью увидели.

Хама захлопнул разинутый рот, но не смог сдвинуться с места. На помощь ему пришел выскочивший из дворца Эомер. С опаской взирая на Черного всадника, он наорал на ополченцев и велел им убираться, обосновав это тем, что королевские заботы — не их ума дело. Те поспешно отступили за ворота и бросились врассыпную, сея еще большую панику.

Теоден вышел на порог бледный, как полотно. Однако грудь его была гордо расправлена, а взгляд смело смотрел

вперед, хоть и был слегка остекленевшим. Он успел надеть темно-красный камзол и накинуть на плечи королевскую мантию, но вот ноги его были обуты не в сапоги, а в обыкновенные домашние чуни.

— Уф, Грима, неужто это ты? — через силу выговорил он, давась словами. — А кто это с тобой? Друг или враг?

— Это зависит от тебя, мой государь, — бросил в ответ ему Грима. — Мы сами выбираем, кто нам друг, а кто — нет. Если ты веришь мне, то распусти ополченцев. Это не наша война. Поверь мне: я видел правду с другой стороны!

Любопытство и гордость у короля пересилили страх. Не забывая держать величественную осанку, он подошел к черному скакуну, взял его под уздцы и заглянул под капюшон безмолвному всаднику, взирающему на них с высоты. Что-то его напугало, и он поспешно отвернулся, сделав вид, что разыскивает взглядом подданных.

— Эйми! — крикнул он Эомеру. — Позови Теодреда. Объявите всем, что похода не будет. Мой самый верный советник никогда меня не обманывал. Если он говорит — значит, так надо.

Они долго стояли перед воротами и смотрели, как Черный всадник уносится прочь по степи. Конь летел над равниной, взметая облачка пыли.

— Что теперь будет? — спросил Теоден, взглянув Гриме в лицо.

— Нас ждут испытания и беды, — ответил тот. — Избежать их уже не удастся. Но это наш мир, и мы должны его отстоять.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Грима и Гэндальф	3
Бой с урукхаями	12
Опала	17
Дунланд	23
Врата Подземелья	34
Ужасы Мории	40
Лориэн	54
Зеркало Галадриэли	61
Изенгард	73

Денис Владимирович Морозов

Грима и Гэндальф
Как друзья стали врагами